

РИТА ЛУБЧЕВА

СИМУЛЯКР

Рита Лурье

Симулякр

<https://litres.ru/74213537>

Аннотация

Сталкер случайно похищает не ту девушку. Грейс Паркер – ещё тот кот в мешке. Её прошлое такое тёмное, что даже маньяку лучше бежать от неё со всех ног.

Он:

Я возьму её силой – её тело, её душу, её любовь. Она – именно та, кого я искал. Хочет она этого или нет – мы всегда будем вместе. Зои Рид поймёт, что мы предназначены друг другу. Если ей нужно время – я дам его ей. Я терпелив. Я умею ждать. Но у неё нет другого выбора, кроме как принять свою судьбу. Она моя. И только моя.

Она:

Извини, дружок, но ты ошибаешься. Зои Рид – моя. Я её верная тень, я иду за ней по пятам. Всё, что у неё есть – принадлежит мне. Мы делим с ней мужчин, делим нашу жизнь на двоих. И ты тоже достанешься мне. Я не из пугливых. Я люблю опасные игры и готова сыграть, если ты окажешься достаточно хорошим игроком.

Содержание

Акт I. Генератор 0.	4
1.	21
2.	36
3.	58
4.	76
5.	102
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Act I. Генератор 0.

Я вижу впереди эпилептическую дискотеку красно-синих проблесковых маячков.

Картинка из фильма ужасов: идет снег, одинокое шоссе, со всех сторон окруженное сплошными рядами деревьев. В салоне тачки темно, светятся только приборная панель и магнитола, крутят какой-то монотонный джаз.

Ночь. Патрульная машина. Скорая.

Первая моя мысль «что-то случилось». Вторая – «с ней». Третья – *«сдохни, сучка!»*.

И только потом я молюсь всем известным богам, чтобы беда обошла ее стороной. Я оперативно успокаиваю свой короткий панический приступ – ее попросту не может тут быть. И в тоже время я понимаю, что она вполне могла оказаться здесь, так что не стоит до конца исключать такую вероятность. Например, как это у нее уже бывало, села за руль пьяной или чего-то обожравшейся – и вот, пожалуйста. Автомобиль в огне, масло капает на асфальт, спасатели режут металл, смятый как банка из-под «кока-колы».

Я прекрасно помню срывающийся голос Зои, когда она звонила мне среди ночи, если он ее доводил. Если у них происходила очередная размолвка, она всегда – всегда! – тянулась к бутылке или к чему-то покрепче, чем чудовищно напоминала мне мою мать. Она тоже не знала иного способа

решения проблем, кроме бегства.

Мне хочется самой набрать Зои, но я этого не делаю. Я сбавляю скорость, на случай, если патрульный попросит меня остановиться, хотя мне это не на руку. Проблемы будут уже у меня – я примчалась сюда из другого штата, и меньше всего на свете мне хочется сооружать вменяемое оправдание тому, что я делаю здесь среди ночи. Но инспектор лишь машет мне, приказывая проезжать дальше. Я киваю, пусть ему и не видно моего кивка, а сама приглядываюсь. Здесь только патрульная машина и скорая. Никаких признаков дорожной тачки Зои, впечатавшейся в дерево или торчащей задницей из кювета. Дым не валит, дорога не покрыта кровью или мозгами моей лучшей подруги. Но медики все же погружают что-то в карету. Кого-то. Не Зои.

Сегодня умер кто-то другой.

А она...

Пусть еще поживет.

Как минимум, мы должны поговорить.

Проехав чуть дальше, я сворачиваю на обочину, заметив свежее сообщение на экране смартфона. Замерзшими пальцами – в салоне не только темно, но и холодно, в моей колымаге не работает печь – я тянусь, чтобы разблокировать экран.

Мне пишет она:

«Грейс, я скучаю».

Вот и причина, почему я стою по щиколотку в рыхлом, свежем снегу. Подошва моих старых кроссовок такая дырявая, что с тем же успехом я могла выйти сюда босиком. Носки промокли, в обуви неприятно хлюпает. Я подавляю малодушное желание вернуться к тачке, стащить кроссовки и растереть ступни руками, чтобы немного согреться. Сначала дело. Сначала... Я должна хотя бы ее увидеть.

И я вижу.

Дом такой же красивый, как и на картинке на сайте недвижимости. Словно его каким-то образом и в жизни пропустили через все фильтры инстаграма, чтобы придать лоска. Он идеален. Он идеально подходит Зои, такой же идеальной. Современная конструкция из стекла, дерева и природного камня – не вычурная, не уродливая, а экологично вписанная в пейзаж. В панорамных окнах гостиной отражаются верхушки деревьев, оттененные золотым сиянием гирлянды на раме. В гостиной светло, горит пламя в массивном камине. Зои пересекает периметр – в одной ее руке телефон, в другой – большая белая кружка. Никаких надписей или украшений. Органичный дизайн.

Зои останавливается у окна, и я прячусь за дерево, чтобы она меня не увидела. Зои делает снимок и уходит. На ней длинный бежевый свитер крупной вязки, из-под которого видны ее стройные голые ноги. Ее волосы пребывают в

творческом беспорядке, но меня не обмануть, я знаю, сколько времени уходит на придание причёске такой нарочитой небрежности, чтобы это не выглядело, как воронье гнездо или номинация на бомжиный конкурс красоты. Я наблюдала этот процесс. Я в нём участвовала.

Зои прихлебывает из кружки, не выпуская айфон из рук.

У меня в кармане вибрирует телефон, я извлекаю его и щурюсь в экран.

Шустро! Она только что выложила новый пост – кружка с горкой маршмеллоу на фоне леса и гирлянд. В кадр попали и пальчики Зои с аккуратным французским маникюром.

Ниже подпись:

«Холодными вечерами я буду топить камин и печь там яблоки. Я заведу много белых кошек и сошью на окна белые занавески. Иногда я буду неспешно прогуливаться в лавочку, покупать там чай, корицу и нитки. Люди станут приходить ко мне за предсказаниями судьбы; я буду варить любовное зелье для несчастливых девушек и держать в клетке щегла...

Шерли Джексон».

Я стискиваю гаджет до скрипа. Моим замерзшим пальцам в тонких перчатках чертовски холодно, но мне плевать. Меня душит гнев. Сволочь! Какая же ты стерва, Зои! И почему меня только так бесит, что у тебя есть всё, но ты все равно предпочитаешь красть у меня? Ведь это моя любимая писательница, любимая книга. Ты, должно быть, даже не знаешь,

откуда эта цитата, а зауглила и выбрала первую, попавшую тебе на глаза. Ты хочешь казаться загадочной и печальной, чтобы никто не заметил, что ты пустая внутри. Но кое в чем ты права: пустота – вот, что действительно грустно, так что опустим. Оставим за тобой право на меланхолию, даже если у нее другие причины.

Одна причина.

Имя, которое нельзя называть.

Было нельзя до недавнего времени, а теперь, скорее всего, снова можно. Я запуталась. Это происходит, сколько я себя помню. Но я не дура, я вижу Зою насквозь. Этот дом – не для нее, не для всех ее подписчиков социальных сетей. Для него. Она сама мне это сказала. Еще в Нью-Йорке, капая слезами в бокал с любимым «пино грижио». Во время одного из девчачьих разговорчиков на кожаном диване, что при каждом движении издает комичный звук.

«Я просто хочу быть счастливой».

Она, конечно, во всех красках расписала мне все переменные в уравнении, в сумме дающие это самое пресловутое «счастье». Дом (именно этот, вот тогда я и увидела его фото впервые), обручальное кольцо с бриллиантом на пальце, парочка детишек, семейные праздники и путешествия. И он. Принц на белом коне. Заправленный белым порошком.

Этого она не говорила, но я мысленно добавила от себя.

Я выслушала Зою, и, как и подобает хорошей подруге, завила, что все так и будет. Наверное, это ее вдохновило –

настолько, что она ринулась сюда – в глушь, вить гнездышко для своей будущей семьи. Семьи, в которой мне не найдется места.

Пока он просто посылает Зою цветы – поповые, но такие фотогеничные пионы, бледно-розовые, почти белые, которые она каждый день снимает со всех возможных ракурсов и выкладывает в «сториз». Но однажды он явится на ее порог собственной персоной. Я больше не буду ей нужна.

Я решила предвосхитить события и пойти на опережение. Я сбежала до того, как это случилось.

Видит бог, я старалась! Я нашла себе психотерапевта, но в последнюю минуту испугалась задуманного, ведь не посещала специалистов со школы. Я отменила прием, но мы побеседовали по мессенджеру. Она похвалила меня, сказав, что мое желание сепарироваться от Зои и жить своей, а не ее жизнью — хорошее начало. В первое время будет трудно, но все получится. Она обещала меня поддержать, разумеется, за полсотни долларов в час. Да пошла она. Я отлично справляюсь. Ночью у дома Зои стоит кто-то другой, а не я.

Не я сорвалась с места и провела шесть часов за рулем, просто потому, что в очередном посте Зои мне померещился скрытый смысл. Послание, адресованное именно мне. Не тому, кто присылает ей цветы. Не ее матери, сестрам, ее друзьям или подписчикам. Она звала меня. Через ночь, метель и расстояния.

Я не буду звонить ей, чтобы сказать, что приехала. Она

не узнает. Все кончено. Я сейчас... вернусь к тачке и поеду домой. Жить своей жизнью. Своей дрянной жизнью.

Я просматриваю комментарии и реакции под последней публикацией Зои. Ничего примечательного, но мне все равно интересно. Мои пальцы совсем замерзли и нажать на иконку, чтобы посмотреть, кто оценил запись лайком – целое приключение. Даже если я случайно отмечусь, не беда – это фейковый аккаунт, я завела его специально, чтобы приглядывать за Зои, не выдавая себя. У нее таких незнакомцев – целая армия. Она ни за что не догадается, что это я, что я была здесь.

Но это сообщение...

Я трясую головой и бью себя телефоном по щекам. Заканчивай. Снова смотрю на экран, отряхиваю его от налипших снежинок, и замечаю кое-что любопытное. Кто-то пишет под фоткой с цитатой Шерли Джексон:

«Тебе не страшно одной жить в лесу?»

Зои тут же отвечает: *«Я не одна»*.

И хоть я знаю, что она врет, мне делается не по себе. Что я упустила? Он там? Но возле дома не припарковано ни одной машины, а гаража здесь, судя по информации на сайте риэлторского агентства, нет. Не пешком же он пришел? Или загнал таксиста в такую дыру? Мне не хотелось бы с ним встретиться.

Я принимаюсь успокаивать себя, что Зои просто блефует, разыгрывает спектакль, в том числе и для своего прекрасно-

го принца. Пусть поревнует. Зои хочет верить, что он ревнует, что ему есть до нее дело. Но это наивно: если он и изучает проявления Зои в социальных сетях с такой же скрупулезностью, как я, то, скорее всего, решит, что она здесь со мной. Со своей верной тенью. В конце концов, не одними же селфи жив человек? Как минимум, Зои нужен кто-то, чтобы ее фотографировать. Я – лучшая кандидатура. За годы я досконально изучила все ее «рабочие» и «нерабочие» стороны. Я так преуспела в этом, что могла бы начать карьеру фотографа. Увы, в каждой девушке мне будет мерещиться она.

Эти мысли пугают меня. Именно сейчас, стоя под снегом в ночном лесу, я понимаю, как глубоко она пустила в меня корни. Понадобится все время мира, чтобы освободиться.

Мне пора уходить. Мне стоит еще раз связаться с той женщиной-терапевтом. Мне...

Я отворачиваюсь от ярко освещенного дома и замираю: я здесь не одна. Шагах в двадцати от меня кто-то стоит, кажется, мужчина. Он высокий, на нем глухое черное пальто, а лицо скрывает капюшон. Он почти полностью слился с самой чернотой ночи, но белизна снега, выпавшего за последний час, его выдает. Его руки в перчатках держат что-то, смутно напоминающее бинокль. Он меня не видит – он весь обращен к дому, к Зои, которая беспечно сидит на диване, таком огромном, что на нем запросто с комфортом разместилась бы целая семья нищих эмигрантов, а не одна богатая белая девица.

Я вспоминаю патрульную машину и жалею, что слушала музыку, а не новостной канал. Что там стряслось? Он уже кого-то убил? Кто он? Грабитель? Насильник? Недружелюбный сосед? Маньяк? Тайный поклонник Зои? Орнитолог-любитель, отправившийся в конце ноября понаблюдать за жизнью птиц?

В моей голове роятся самые немыслимые предположения. Дом стоит на отшибе – до ближайшего поселка десятки миль, кругом сплошной глухой лес. Здесь только мы трое – я, Зои и он. И его возможные сообщники, таящиеся в темноте или каком-нибудь жутком фургоне для похищений, припаркованном в укромном месте.

Я сильно сомневаюсь, что у Зои есть сигнализация или охранный система в доме. Она всю жизнь провела в сытости, достатке и комфорте. Она и не представляет себе, как опасен мир. Она никогда не держала в руках оружия. Она никогда не сталкивалась с насилием, жестокостью и тьмой.

Кроме меня. Я была ее тьмой – ее ручным островком тьмы. Но я никогда не желала ей зла. Я лишь создавала рядом тень, чтобы она ярче сияла. Теперь она одна. Беспомощная. Неподготовленная к тем вещам, о которых я не успела ей рассказать.

Очевидно, я должна ей помочь. Я должна спасти Зои: за этим я и здесь. Она же спасала меня.

Мне некогда пускаться в размышления, но будь у меня время, я бы проследила причинно-следственную связь – она

написала мне, потому что испугалась. Может она видела этого типа? Может ее пост, ее прогулки перед окном в свитере на голое тело, ее посиделки с кружкой какао – лишь спектакль, чтобы усыпить бдительность преследователя, пока она звонит в полицию? Зои не глупа.

Но где же тогда, черт возьми, копы? Почему они еще не приехали сюда, а ошииваются на шоссе?

Я решаю вернуться к машине и набрать им сама. Здесь слишком тихо – этот стремный мужик мигом заметит мое присутствие, если я сделаю звонок. Я крадусь через лес, крепко сжимая телефон, аккуратно обходя коряги и колючие ветки. Я жалею, что у меня нет ни оружия, но в багажнике запросто найдется что-то пригодное для самообороны. В сумке с инструментами есть старый разводной ключ – только им и можно развинтить ржавые болты в моей колымаге. А мне частенько приходится заглядывать под капот, чтобы хоть немного продлить ее – не жизнь, но посмертие.

Увы, моя обувь не предназначена для таких прогулок. Кроссовки очень старые, их подошва стертая и скользкая. Еще в Нью-Йорке они частенько становились причиной моих конфузов и нелепых падений на асфальт.

Когда я ступаю на каменистую породу, чуть припорошенную снегом, у меня нет шансов устоять на ногах. Я взмахиваю руками, обламываю ближайшие ветки с оглушительным треском и падаю. Я не могу встать и барахтаюсь в сугробе, и все, на что меня хватает – это проехаться грудью вперед по

склону, чтобы подобрать оброненный телефон.

От него мало толку. Я слышу шаги за спиной – тяжелые, быстрые и угрожающие. Снег трещит под подошвами ботинок, и не надо быть гением, чтобы догадаться, что это не Зои, а тот маньячина с биноклем. Я переворачиваюсь на спину и вижу его над собой: он сущий дьявол. Я не сразу понимаю, что не так с его лицом.

Трудно думать, когда ты угодил в такую ситуацию, но мне все же удастся собрать воедино концы разрозненных нитей.

Это не лицо. Это противогаз с затонированными стеклами. Трубка уходит куда-то под одежду, и оттуда раздается едва слышное, свистящее дыхание, напоминающее мне дыхание жуткого персонажа из небезызвестной киношной саги.

– Твою мать, - бормочу я.

Он замахивается продолговатым предметом, но я не успеваю толком рассмотреть, что это. Меня оглушает боль и все погружается в темноту.

Я прихожу в себя, и хоть голова раскалывается после удара, тут же вскакиваю на ноги. Я провожу беглую оценку обстановки, все еще готовая героически мчаться на помощь Зои, и сразу понимаю, что в этом больше нет необходимости. Не знаю, как дела у Зои, но мои крайне плохи.

Я в комнате. Ее вид не сулит абсолютно ничего хорошего:

стены обиты каким-то плотным материалом, полы мягкие. Под потолком тускло горят несколько ламп, свет приглушен. Я различаю дверь и большой темный прямоугольник рядом с ней. Он может быть чем угодно – как телевизором, так и зеркалом Гезелла. Мне не нравится это предположение, ведь оно означает, что за мной наблюдают. Я прохожу от стены до стены, чтобы размять ноги и собрать побольше информации, но здесь толком нечем себя занять. Из предметов: матрас, на котором я лежала и омерзительное ведро в углу. Все. Но мой мозг примечает кое-что еще и концентрируется на этой детали, чтобы не скатиться в пучину отчаяния.

Запах. Сильно пахнет дезинфицирующим средством. В помещении, от моих волос и одежды, которая, к счастью, все еще на мне. Я тру ладонями друг о друга и получаю подтверждение своей догадке – кожа сухая, как после обработки антисептиком. Я запомнила это ощущение с пандемии, когда из-за постоянных мер безопасности, изводила тонны увлажняющего крема. Меня будто выкупали в антисептике – кончики волос все еще влажные, от них таращит сильнее всего.

Я смеюсь. Потрясающе – я «в гостях» у маньяка, помещенного на чистоте. Смех нервный, ведь я толком еще не решила, стоит ли мне обрадоваться этому открытию или испугаться. Я не знаю, какая мне удача от такого заключения и смогу ли я использовать его себе на пользу, чтобы выбраться. А я выберусь, ведь, очевидно, не я была его целью, а Зои. Он вернется за ней. Он пришел за ней, а я лишь спутала его

карты, явившись, чтобы посталкерить за своей бывшей лучшей подругой. Он то думал, что он такой один, со своим дурацким биноклем.

Зачем вообще бинокль, когда изобрели интернет?

Глупый маньяк!

Как ему, должно быть, досадно! Пришлось переводить антисептик не на ту пленницу. Ничего. Он еще пожалеет. Пожалеет, что преследовал мою Зою, что похитил меня, что ударил по голове, что отобрал мой телефон, ключи от машины, парк и старые кеды. Он понятия не имеет, с кем связался. Ему... не повезло.

Меня охватывает странный азарт. Я через голову стаскиваю провонявшую антисептиком толстовку, и делаю еще круг, потирая свежую шишку на макушке. Останавливаюсь у стекла, чтобы вмазать в него кулак. Ожидаемо, оно не трескается.

– Эй! – кричу я, что есть сил. — Эй! Есть там кто?! Эй!

Никто не отвечает, но я догадывалась, что так будет. Запереть жертву – мало, она не станет жертвой, пока ты не сломишь ее волю. Существует приличное количество способов добиться покорности и смирения, мне они известны. Раньше это причиняло мне боль, теперь я этим горжусь. Мне хочется верить, что я сильнее любой другой девушки, когда-либо оказавшейся на моем месте. Я другая. Я из тех, которые выживают. Надеюсь.

– Эй! – снова кричу я, сопровождая вопли ударами в стек-

ло. — Эй! Кто вы? Что вам от меня нужно?

Сбавь обороты — говорю я себе. *Ты должна быть напугана.* Покажи это. Но у меня не выходит. Я паршивая актриса. Во мне только ярость. Впрочем, мне все-таки удастся откопать в себе кое-что подходящее. Смушение. Я беру в руки ведро.

— Эй! — повторяю я. — Мне нужно в туалет.

Я подпрыгиваю на месте от внезапного звука. Осматривая помещение, я не заметила колонки под потолком. Они оживают, из них раздается шершавый, зубодробильный скрежет помех, а потом голос, искаженный с помощью какой-то программы, отчужденный, нечеловеческий. Он лишен эмоций, но мне все равно мерещится в нем насмешка садиста.

— А это тебе на что? — должно быть, он имеет в виду ведро.

— Я не могу ходить в... ведро! — возмущенно откликаюсь я, — тем более, когда кто-то смотрит, — добавляю уже тише, мягче, — пожалуйста.

— Здесь тебе не пятизвездочный отель, — подмечает похититель. И не разберешь — то ли это новая волна звуковых помех, то ли он давит смешок.

— Да пошел ты, сукин сын! — взрываюсь я и швыряю ведро в стекло. Оно пластиковое, я сразу расценила его, если не как гипотетическое оружие, то как реквизит для перформанса. Ведро разлетается на осколки — пластик дерьмовый, дешевый, но возле дна плотнее. Я подбираю большой, ост-

рый кусок и сжимаю его в пальцах.

Мне бы не помешало заплакать для усиления драматического эффекта, но я не могу. Вся я сейчас – туго натянутая струна, занесенный клинок, каждый мускул в теле звенит от напряжения.

Я прижимаю осколок к своему горлу, к сонной артерии.
– Отпустите меня! – требую я, - или я убью себя!

Тишина. Мое дыхание очень громкое в этой тишине. Я смотрю на колонку и жду. Я обращаюсь мысленно, то ли к ней, то ли к тому, кто прячется за стеклом:

Давай-давай.

Одно из двух. Если я его первая жертва, он может струсить. Положим, он – чокнутый поклонник Зои, который планировал похитить ее и трахнуть, вовсе не убить. В его планы точно не входила ее бешеная подруга, угрожающая вспороть себе глотку изделием китайской промышленности. Ему не захочется оттирать кровь, а ее будет много, уж я постараюсь перемазать ей всю эту стерильную клетку.

При худшем раскладе я имею дело с опытным, бывалым маньяком, но и он не захочет так быстро лишаться своей игрушки. Пусть я не Зои, но вполне себе утешительный приз. Он бы убил меня еще в лесу, но захотел поиграть. Игра выйдет слишком короткая.

Сыграем?

В двери щелкает замок. Я пачусь, чтобы пяткой нащупать брошенную на пол толстовку. Это – мой путь к отступлению

на случай, если затея с осколком себя не оправдает. Я тощая, но жилистая. А еще очень злая. Пусть подойдет поближе. Посмотрим, смогу ли я задушить его рукавами. Как минимум, оглушить, чтобы запереть здесь и сбежать.

Словом, я полна решимости.

К несчастью, я не учла, что он может быть вооружен. Мой взгляд утыкается в дуло пистолета, смотрящего в мою сторону. Даже если он не заряжен, сам вид оружия пагубно сказывается на моем боевом духе. Да и сам похититель... внушает трепет своим исполинским ростом и странной внешностью. На нем все еще противогаз, а сверху накинута капюшон худы. Черные стекла недружелюбно впериваются в меня. Это выглядит опасно, как и то, что нигде не видно и полоски кожи — так глухо он затянут в ткань и резину. Перчатки тоже резиновые. Он явно не в себе, раз даже в своем логове разгуливает в полном обмундировании на случай ядерной войны.

Он молчит. Мне не нравится это молчание. Мне вообще не нравится эта ситуация. Я привыкла иметь дело с людьми, а из-за противогаза этот тип кажется чудовищем из глупого фильма ужасов. Я бы не выиграла схватку с Кожаным лицом. С резиновым... сомнительно. Но сейчас не подходящий момент, чтобы смеяться над собой и каламбурить.

Я обязана хотя бы попробовать.

С воплем берсерка я бросаюсь вперед, надеясь, что успею всадить свое импровизированное оружие в черное зеркало, отражающее мое перекошенное гневом лицо. До того, как

получу порцию свинца. До того, как... Поздно. Предохранитель пистолета щелкает.

Но стоит откатиться назад и рассказать историю с самого начала.

1.

Тогда

Зои пропускает меня в квартиру. Не дожидаясь, пока я разуюсь и сниму верхнюю одежду, она уходит. Я слышу характерный хлопок, с которым пробка выскакивает из бутылки, а потом – многообещающее «буль-буль-буль». Зои разливает вино. Красное. Бордо. Она разбирается в энологии, щепетильна в вопросах подачи и всегда использует соответствующую посуду. Большие пухлые бокалы звучат по-особому. Красное вино – как кровь из разбитого сердца. Недобрый знак. Обычно она предпочитает белое. Белое... просто слезы. Они не смертельны.

Я вхожу гостиную. На журнальном столике уже приготовлены вино и менажница с сырами. Ненавижу этот столик – он из стекла, я постоянно боюсь разбить его неаккуратным маневром и получить от подруги счет, равнозначный арендной плате за мою крысиную нору. Не Уиллес-Поинт, конечно, но и не Манхеттен. В Нью-Йорке неприлично дорогая недвижимость. Самостоятельность, впрочем, того стоит. Ютиться у Зои на коврике ниже моего достоинства, хотя я часто у нее ночую, а в колледже мы делили одну спальню.

На Зои длинная футболка и шорты; косметики лишь прожиточный минимум – она в дурном настроении. Опережая

все мои вопросы, она делает щедрый глоток, даже не дав вину основательно насытиться кислородом, и облизывает искусанные губы. Пока она собирается с силами, чтобы начать говорить, я осматриваюсь.

У панорамного окна стоит массивное, очень удобное кресло, в нем клетчатый брендовый плед и макбук Зои в розовом пушистом чехле. Дожидаясь меня, она, должно быть, сидела там, смотрела на город, и делала вид, что печатает. На деле – переписывалась с другими подружками. Я знаю, что они есть, но не ревную. Я – главная фрейлина ее Величества. Лишь мне предназначены самые сокровенные чертоги ее души, пьяные сопли и ночные звонки. Это честь.

– Что случилось? – тороплю я и тоже делаю глоток. Безусловный бонус дружбы с Зои – возможность пить хороший алкоголь и лакомиться изысканными закусками. Зои не принцесса из богатой семьи, она сама поднялась на вершину и любит наслаждаться благами красивой, элитарной жизни, которой не знала, будучи обычной девчонкой со Среднего Запада.

– Я... я думаю, что он мне изменяет, - выпаливает Зои. Ее губы кривятся и надуваются, как у обиженного ребенка. Она начинает плакать. Я притягиваю ее к себе и глажу по волосам, хотя мне тревожно. Я должна узнать больше.

– Да-а-а?

– Посмотри! – Зои отстраняется, хватает со стеклянной столешницы телефон, лязгнув по ней длинными ногтями, и

показывает мне экран, - он подписался на эту суку! Лайкнул все ее последние посты, а вот тут оставил комментарий. Пусть это всего лишь смайлик, но... Когда он в последний раз лайкал мои публикации и тем более комментировал, Грейс?

Я тупо пялюсь на фотографии какой-то грудастой брюнетки. Фитнес-топик и леггинсы обтягивают ее тело так плотно, будто вот-вот выдавит из нее жизнь. Она явно делала пластику – у нее характерные нос и линия челюсти. Меня всегда подмывало сходить в какую-нибудь клинику и спросить каталог, чтобы убедиться – их и правда штампуют по одним лекалам или это лишь мои домыслы. Зои куда лучше. Она не накачивала губы (разве что чуть-чуть), и в целом ее красота вполне естественная.

Она и поразила меня в первую встречу, хотя тогда мы были совсем еще мелкими. Она выделялась на фоне всех наших сверстниц. Никаких прыщей, угрей и прочей мерзости. Кожа, не как у резинового пупса, а бархатная, словно спелый абрикос. Мягкие, густые светлые волосы. Яркие голубые глаза. Я, конечно, подумала, что она с такой внешностью, наверное, беспросветная тупица или какая-нибудь самовлюбленная дрянь. Она только пришла в нашу школу и была отличной кандидатурой для вступления в местный клуб пустоголовых тетерь. Но они ее не интересовали. Она подошла ко мне. Спросила, можно ли сесть рядом на свободное место. Так все началось.

Она и сейчас выглядит хорошо, с опухшими глазами и красным носом. Ей идут слезы, идет ее персональная драма. Она так идеальна, что это бесит.

Одна наша однокурсница в колледже все допытывалась, чего это я так восхищаюсь Зои, не влюблена ли я в нее.

Я послала эту слепую дуру подальше.

– Прости, знаю, как глупо это звучит, - говорит Зои и трет веки пальцами, - но что-то не так... я не могу ни о чем другом думать, не могу работать, постоянно хочется плакать. И это не ПМС. Я... - она мигом разгоняется до злости, снова хватает телефон и фотографирует бокалы на столешнице. Я инстинктивно тянусь за смартфоном, но мне не приходит уведомлений о ее новых публикациях. Я жду, пока не понимаю – это не для всех. Только для него. Ответный удар.

Зои засовывает телефон себе под ягодицы и сидит, сосредоточенно уставившись перед собой. Я вожу пальцем по краю бокала – он издает легкий, протяжный звук, похожий на ангельское пение. У меня нет желания напиться, меня ждет работа. Но Зои этого не объяснишь, как я когда-то не могла объяснить это матери.

Айфон Зои вибрирует, а потом начинает звонить. Она смотрит на экран – там имя, Брэд, и его фото. Вместе с ней. Они такие счастливые! Интересно, кто это снимал. Точно не я.

– Надо же, - бормочет она.

– Возьми, не дрейфь, - говорю я.

– Пусть помучается, - выносит свой вердикт Зои, и тогда я, перегнувшись через нее, провожу по экрану, чтобы принять вызов. Она ставит на громкую связь, распознав, что я задумала. Сначала мы слышим шум улицы – болтовню прохожих, шорох машин и далекую музыку. Чиркает зажигалка – он, вероятно, вышел из какого-то бара и закуривает. Только потом раздается голос Брэда.

– Зои? И как это понимать? С кем ты там?

– А ты как думаешь? – запальчиво интересуется она. – Угадай!

– С Грейс? – предполагает он самое очевидное. Зои рычит и ерзает на месте, кожаный диван вторит гадкими, пердящими звуками.

Интересно, слышит ли их Брэд.

– А если бы нет? – возмущается Зои. – Если с другим мужчиной, если... у меня свидание? Как тебе такое?

– Привет, Грейс, - смеясь, откликается Брэд. – Как дела?

– Привет, Брэд, - сдаюсь я и ловлю гневный взгляд Зои. Мне стоило подыграть, но это не в моих интересах. Я примерно догадываюсь, что будет дальше.

– Супер, сейчас приеду, - говорит Брэд. – А то вам, наверное, без меня скучно.

– Боже! – восклицает Зои и вскакивает с места.

Она хочет казаться раздраженной, но блестящие глаза выдают, что она счастлива. Она жаждет встречи с ним, а алкоголь придает ей храбрости. Но храбрости мало. Для войны с

разлучницей нужно оружие посерьезнее. Зои пулей мчится в спальню, а мне не остается ничего другого, как пойти за ней. Она мечется, ничуть не смущаясь сменить при мне обычные слипы на кружевные стринги, а растянутую футболку на мужскую рубашку. Скорее всего, она принадлежит Брэду. Зои любит таскать его вещи, это ее маленькие трофеи. Каждый раз, когда он уходит и выкидывает какую-то фигню, она грозит сделать вуду-алтарь со всеми этими безделушками и наслать на него проклятие.

Мне приходится помочь Зои уложить волосы. Я частенько помогала ей собираться на свидания, пока мы учились в колледже, и уже набила в этом руку.

Она чихает от лака и смотрит на свое отражение.

– Глаза не красные? – спрашивает она.

– Ты красотка, – заверяю я. Она несется в прихожую, как преданная собака к хозяину, вернувшемуся с работы. Разве что хвостом не виляет.

От Брэда пахнет никотином и выпивкой. Он говорит, что у него был концерт, а чтобы приехать к нам он пожертвовал посиделками со своими ребятами. Какая самоотверженность! Зои польщена. Ненавистная брюнетка забыта.

Мы пьем вместе, болтаем о какой-то чепухе. Зои все пьянее, все ближе и теснее прижимается к Брэду. Она сладострастно водит пальчиками по его колену, перебирает его волосы и трет своей ступней о его, думая, что я не вижу. Как только за мной закроется дверь, они набросятся друг на дру-

га. Я тут лишняя. Я собираюсь уходить, чтобы не мешать. Брэд берется по-джентельменски проводить меня до такси.

Это то мне и нужно.

В лифте мы стоим далеко друг от друга, но я чувствую его прожигающий взгляд, он не то, что раздевает, а просто плавит мою одежду на атомы. Он тоже пьян, не знаю, каким чудом ему удастся держать себя в руках. Он делает шаг, но я выставляю перед собой ладони в предупреждающем жесте.

— С этим надо завязывать, - говорю я. — Ты знаешь, почему она сегодня напилась?

— Разве ей нужен повод? — Брэд смеется. — Она же... тип... творческая личность. Все время себе что-то выдумывает.

— Она творческая личность, но не дура, - сухо замечаю я. — Она что-то подозревает. Ты понимаешь, что случится, если...

— Да брось, - фыркает он. — Я ей ничего не обещал.

Эти слова быют меня наотмашь. Ему нравится напоминать всем, что он ужасный козел, но окружающим не нравится это слушать. Мне не нравится это слушать. Мне жаль, что он так далек от светлого образа, который сохранила моя память. Когда-то он был другим, до того, как увлекся наркотиками, алкоголем и беспорядочными половыми связями, почему-то решив, что эти пристрастия сделают из него Курта Кобейна. Лучше бы совершенствовал свое мастерство. Но он гений, ему виднее. Кто я, чтобы вправлять ему мозги? Все, что я

могу – держать его подальше от себя и не оставаться наедине в тесном, безлюдном пространстве. Мы это уже проходили, но я больше не позволю развести себя на быстрый перепихон в машине или туалете ночного клуба. Это унижительно. Меня до сих пор душит стыд. Перед Зои. Перед собой.

– Все кончено, - говорю я, прежде чем запрыгнуть в такси. Я не хочу слышать, что Брэд скажет в ответ. Он обязательно примется спорить.

Наверху его дожидается Зои, разгоряченная и влюбленная. Она хочет своего принца, а меня ждут пустая, тесная квартирка, ноутбук и недельная гора немытой посуды.

Сейчас

Пистолет заряжен холостыми патронами. От звука выстрела у меня закладывает уши, а кровь вскипает в жилах. Я замираю, как испуганный зверь, но лишь на мгновение, прежде чем приняться за осуществление задуманного. Сдаваться не в моих правилах, пусть это и неравная схватка. Мной движут чистые инстинкты, но злость слабое преимущество, если ты уступаешь противнику в других показателях.

Например, в массе и силе.

Мы кубарем катаемся по всей комнате, пока каким-то чудом мне не удастся освободиться. Я бегу к двери, но она заперта. Ключа нет. Замок кодовый. Я дергаю ручку, как полная дура, в надежде, что она откроется сама собой или кто-

то снаружи услышит шум и явится на помощь. Но это глупо – стены и пол покрыты звукоизоляционным покрытием. Я оборачиваюсь к своему похитителю, и мне не нравится то, что я вижу. Он уже поднялся на ноги и закладывает в обойму новый патрон, уже, надо думать, настоящий.

Дуло пистолета приказывает мне отойти от двери.

Маньяк по-прежнему не произносит ни слова, используя молчание, как меру наказания. Или он вовсе не умеет говорить и синтезирует на компьютере голос через специальный модулятор речи, как Стивен Хокинг. Все возможно. Я подумая об этом после, у меня будет время. Этот раунд за ним.

Я послушно пячусь.

И все же пытаюсь выскользнуть, когда он набирает код и распахивает дверь. Меня останавливает предупреждающий выстрел в потолок. На сером материале остается черная вмятина. Теперь пахнет порохом, а не антисептиком.

Я поднимаю ладони: «я поняла, поняла». Почему-то мне и самой не хочется нарушать тишину, будто звук моего голоса может вывести похитителя из себя и надумать засадить следующую пулю мне промеж глаз.

Дверь закрывается, и я бессильно сползаю по ней, окидывая взглядом учиненный нами погром: матрас испуганно жмет к стене, моя толстовка затоптана, повсюду обломки пластика, и, кажется, капли крови. Я приглядываюсь: да, это кровь. Ощупываю себя. Я не пострадала. Значит, мне удалось его ранить.

Колонки трещат. Я вяло размышляю, смогу ли допрыгнуть, чтобы выдрать их из стены. Я не настроена вести беседы с этим ублюдком. Увы, мне не хватит роста, чтобы туда дотянуться, а встать не на что. Придется, если не говорить, то хотя бы послушать, что скажет он.

– И чего ты собиралась этим добиться?

– Серьезно? – вопрос звучит, как форменное издевательство. – Чего я, по-твоему, собиралась добиться? Выбраться отсюда, кретин! Нет, черт возьми, просто хотела размяться! Мне тут, знаешь ли, скучно! Сниму звездочку этому отелю, когда буду писать отзыв, за отсутствие развлечений и отстойный санузел!

Тишина.

– Совсем никакого санузла, - грустно добавляю я, пиная осколки ведра. Мне наконец-то удастся найти тот самый, что я использовала, как оружие. На нем кровь и кусочки рваной резины, выходит, когда я метила гаду в горло, была предельно близка к цели и повредила его ненаглядный противогаз.

– Кто ты такая?

Я недоверчиво кошусь в сторону темного стекла. Слова кажутся мне странными и безумными, но дело не в этом. Голос. Он человеческий, без искажений, как мне кажется. Мужской, глухой и низкий. Он снял противогаз. Надо же! Поди сейчас полощет горло каким-нибудь специальным раствором, чтобы убить все микробы, полученные через пробину в броне.

Это просто смешно!

Я не собираюсь рассказывать о себе. Как правило, маньяков не интересуют скучные подробности жизни их жертв, да и что я толком не понимаю, что он рассчитывает от меня услышать. В этом нет и крупицы смысла. Во всем этом.

– Если ты собирался запереть здесь Зои, - говорю я вместо ответа на вопрос, - стоило лучше постараться, чтобы обустроить условия для ее содержания. Она капризная.

– А ты нет?

– А меня кто-то спрашивает? – не удерживаю сердитого фырканья я. – Так в чем заключался твой план?

– Я задаю вопросы.

– Так приди и спроси! – взрываюсь я, - и я зубами вырву тебе трахею! Боишься какой-то девчонки? Какой-то ты хреновый маньяк, вот что.

– А ты разбираешься?

Мне надоедает нервно слоняться туда-сюда, да и недолгое, но страстное сражение за жизнь высосало из меня все силы. Я собираю осколки ведра в кучу и сажусь рядом. Мне нечем себя занять, потому я складываю их, выкладываю какие-то узоры.

Я сойду здесь с ума. В этом, вероятно, и заключается замысел моего похитителя. Замкнутое пространство, страх, неизвестность – отличный фундамент, чтобы выстроить на их основе жуткую цитадель помешательства.

– Разбираюсь, - мрачно говорю я. – Мой отец был одним

из них.

Тишина. Возможно, он ушел, так и не дождавшись, пока я наиграюсь в поломанный пластик. Или все-таки слушает и вдохновился моей откровенностью. Не стоит исключать, что подобный факт биографии добавит мне ценности в глазах другого маньяка.

Что, если я смогу его заинтересовать?

– Это правда? – я не ошиблась.

– Да, но я его никогда не видела, - продолжаю я. – Моя мать была его сумасшедшей поклонницей, приезжала в тюрьму и забеременела во время одного из таких визитов. Когда я узнала, я была в ужасе, но потом... - делаю многозначительную паузу, - подростком я стала писать ему письма. Рассказывала, как у меня дела в школе, как меня все бьют, и спрашивала, как бы он их убил. Я знаю много способов убить человека. Он меня научил.

– Ты собиралась убить Зои?

Я давлюсь воздухом. Вот чего я точно не ожидала, так что он спросит об этом. Я зашла далеко, и отступить поздно, но, честно говоря, я не продумала свой дальнейший план, пустившись в чистую импровизацию. Я не была готова к настолько личному вопросу, к вопросу, на который у меня нет ответа. И я сильно сомневаюсь, что сейчас подходящий случай, чтобы развернуть многословную отповедь о наших со-зависимых отношениях с лучшей подругой.

Впрочем, другого случая может и не представиться, а этот

тип хотя бы не требует плату, за то, что меня слушает.

– Не знаю, - честно говорю я. – Мы дружим очень давно. Но она... Она использовала меня, разрушила мою жизнь. Я тоже не безгрешна, - я вспоминаю о потрапушках с Брэдом и быстро добавляю, - но она поступала со мной куда хуже.

Я будто оправдываюсь. Оправдываюсь за те гадкие делишки, что творила в Нью-Йорке за спиной у Зои. Творила, а потом приезжала к ней, чтобы быть жилеткой для слез, когда она плакала из-за тупого Брэда. Моей вины в произошедшем не меньше.

В этой тесной камере мне некуда спрятаться от мучительной рефлексии.

– Если ты хочешь ее убить, то я не выпущу тебя отсюда, - вдруг говорит мой похититель. Его тон серьезный, почти строгий, как у родителя, отчитывающего нашкодившего ребенка. Никаких видеоигр и компьютера. Ты наказана. Будешь сидеть в комнате и думать о своем поведении.

– Почему это? – роняю я, и лишь запоздало до меня доходит. – А ты собирался?

– Я не могу позволить тебе причинить ей вред, - заявляет он. – Кто ты такая? Действительно ее подруга, или ты придумала это? Она постоянно у всех на виду, всяких сумасшедших в том числе.

– Всяких сумасшедших!? – кричу я и злюсь так сильно, что у меня опять появляются силы, чтобы вскочить и начать колошматить кулаками в стекло. – Ты, нахрен, издеваешь-

ся?! Ты, блядь, похитил меня и запер здесь, разгуливаешь в этом жутком наморднике – и это я – сумасшедшая?! Да какого хрена!? Сейчас же иди сюда и ответь за свои идиотские слова!

– Ты лишь подтверждаешь их, – осаживает меня похититель. – Что ты делала у ее дома? Что тебе от нее нужно?

– Она моя подруга! – беспомощно говорю я. – И я не собираюсь отчитываться перед каким-то психопатом с бункером для похищений! Иди к черту!

– Подруга? – повторяет он, будто задумчиво. – Тогда почему она никогда тебя не упоминала, никогда не выкладывала ни одну твою фотографию? Чем ты можешь доказать, что...

– Довольно! – обрываю я.

Он загнал меня в угол. Не тем, что запер здесь. Он обличил кое-что скверное, что я старательно задвигала на задний план, обещая себе обдумать когда-нибудь потом, в идеале – никогда. Но эти неудобные мысли, как тараканы в моей дрянной нью-йоркской квартире, так и лезут на свет. Их становится больше и больше. Но я не заказывала дизенсектора в противогазе, как и принудительный сеанс психотерапии!

Зои будто стыдилась меня. Все ее другие подружки, родственники, Брэд, случайные люди на вечеринках, разок, но мелькали в ее публикациях. Меня она аккуратно вырезала со всех фотографий. Она никогда не выкладывала видео, которые мы, безудержно хохоча, снимали по пьяни. Она заверя-

ла, что причина не во мне, просто ей не нравится, как она получилась. Ее подписчикам нельзя видеть ее в невыгодном свете, а тут – внезапно слишком длинный нос или мешки под глазами. Я не спорила. Я не люблю публичность, не стремлюсь к ней, но социальные сети занимали значительное место в жизни Зои и были своеобразным показателем ценности.

Выходит, я не была важна.

- Мы дружим со школы, - беспомощно бормочу я. – Это правда.

Он молчит и меня убивает это молчание. Кажется, пришло время просунуть под дверь пятьдесят баксов за прием, но, к несчастью, мой бумажник остался в машине.

2.

Сейчас

Я пытаюсь вести торги. Сижу, прислонившись спиной к стене, а затылком к темному стеклу и демонстрирую смирение. Если я нерадивый подросток, посаженный под домашний арест, я раскаялась за свои выходки. Я буду хорошей. Правда-правда. И заслуживаю поощрения.

– Извини, что взбесилась, - говорю я, давя нервный смешок от того, что приносить извинения маньяку – верх абсурда, даже если это во имя достижения цели, - я просто напугана.

Вранье чистой воды, как и мое покаяние.

Он, кажется, все прекрасно понимает, потому молчит.

– Пожалуйста, - продолжаю я, - выпусти меня отсюда. Я не видела твоего лица. Я никому не расскажу. Я уеду, и буду держаться подальше от Зои. Клянусь.

Последнее обещание я даю скорее самой себе, потому что меня мигом охватывает злость к Зои. Это она во всем виновата, из-за нее я оказалась здесь. Ее личный выбор – триндеть о каждом своем шаге в интернете, распаляя интерес и голод вот таких психопатов. Она вдохновила его. Если один из преследователей вломится в ее шикарный дом, что-то сделает с ней или убьет – она заслужила. Но я не модная блогер-

ша, а такая же невидимка, как этот тип. Я просто оказалась не в том месте, не в то время.

Отличный, кстати, аргумент.

– Я просто оказалась не в том месте, не в то время.

Наверное, он куда-то ушел и я зря распинаясь. Может, в эту самую минуту он запихивает Зою в багажник своей жуткой тачки. Или фургона для похищений. Или тащит волоком через лес, если этот бункер расположен где-то недалеко от ее дома.

Это же бункер? Или подвал заброшенного викторианского особняка? Сомнительно.

Под землей обычно пахнет сыростью, а тут только антисептиком и немного потóm. Здесь душно – я вся взмокла, волосы неприятно липнут к вискам. Но это мне на руку – пусть лучше тело избавляется от воды таким способом, чем каким-то другим.

Замкнутое пространство знатно давит на мозги, но об этом попросту лучше не думать. Мне не хотелось бы поддаться панике, воображая, как стены сжимаются, пока не раздавят меня, вытолкнув остатки спертого воздуха из легких.

Я расправляю матрас и ложусь на него. Сомневаюсь, что смогу уснуть, но мне нужно отдохнуть и подумать. Должен быть какой-то выход, какой-то способ перехитрить придурка в противогазе и выбраться наружу. Вместо этого я думаю о Зои. Она паразитирует в моих мыслях.

Я перебираю в памяти моменты из нашего общего прошлого. Я вспоминаю, как мы познакомились, зачем-то дорисовываю незначительные детали. Мне никак не могут помочь эти глупые подробности. Какой смысл в том, что потолок в столовой был бежевым, а за окном шел дождь? В моей клетке нет окна. Неизвестно, сколько времени я проведу здесь – вероятно, у меня будет достаточно возможностей переживать мгновения прошлого снова и снова, наполняя их другим смыслом.

Я вспоминаю, как мы впервые вместе ходили с Зои в поход. В ее старой школе не было такой традиции, это было для нее в новинку. У нее были крайне размытые представления, потому вместо теплой одежды и действительно необходимых вещей, она взяла с собой пленочный фотоаппарат и упаковку маршмеллоу. Я одолжила ей запасную теплую кофту и научила собирать палатку под проливным дождем. Она страшно замерзла и расстраивалась, что приходится сидеть в палатке, вместо того, чтобы любоваться окрестностями. Обгоревшие маршмеллоу не оправдали ее ожиданий. Зои сказала, что внутри они похожи на сладкие сопли.

Зато мы болтали всю ночь, а наша общая фотография с той вылазки до сих пор валяется в моей нью-йоркской квартире. На ней Зои улыбается во весь рот, а я стою мрачная, стесняясь брекетов на зубах.

Если бы я могла, швырнула бы эту фотографию в лицо своему похитителю.

Пошел он к черту с его подозрениями! У меня есть доказательства нашей дружбы.

Погрузившись в это воспоминание, я не заметила, как уснула.

Я просыпаюсь – резко, вскакиваю и сажусь рывком, как солдат, задремавший на службе, и вижу рядом с собой поднос. Сэндвич в целлофане меня не интересует, а вот бутылку воды я осушаю одним жадным глотком. Мне плевать, что похититель мог что-нибудь туда подмешать. Жажда сильнее. Сильнее здравого смысла, ведь я не подумала о последствиях. И сейчас я беспокоюсь не о возможной отраве или наркотиках, которые только что добровольно влила себе в глотку.

Я комкаю бутылку в руке, и недоверчиво кошусь в сторону сэндвича. Будто он может наброситься на меня и укусить первым. Да, это верное решение – нужно опередить его, нейтрализовать угрозу. Но, развернув упаковку, я все-таки приподнимаю верхний кусок хлеба, чтобы тщательно изучить содержимое. Я не удивлюсь, отыскав внутри червей или отрезанный палец Зои.

Если маньяк отпилил нужный, я буду ему только благодарна, ведь смогу разблокировать ее айфон.

Что толку?

Ее телефона на подносе нет. Он вообще не собирался предоставить мне возможность доказать свою правоту и найти общие с ней фотографии. Переписки. Видео.

Все это есть.

Я уничтожаю сэндвич за рекордное время, даже быстрее чем воду, хотя мне было лучше воздержаться и от того и от другого. Мне нужно в туалет. Это уже не надуманный повод докопаться до похитителя, а неоспоримая истина. Ведра нет – я уничтожила его своими руками. Осколки пропали.

У меня два варианта, но, по сути, выбора нет. Речь не идет о том, чтобы сберечь какие-то крупницы самоуважения. Попроситься в уборную – меньшее зло, чем обмочить штаны или надуть лужу в углу в глупом акте протеста.

Я подхожу к стеклу и стучу по нему костяшками пальцев. Тихо. Вежливо, как хорошая девочка.

– Пожалуйста, мне... - начинаю я, но меня прерывают помехи в колонках.

– Стой там.

– Ладно, - соглашаюсь я и жду.

В отражении открывается дверь.

Я оборачиваюсь, не хочу подставлять незащищенную спину. Похититель приближается ко мне медленными, осторожными шагами, удерживая меня под прицелом. Он дергает пистолетом, и я каким-то непостижимым образом догадываюсь, что от меня требуется. Еще немного этой игры в молчанку и я научусь понимать его без слов.

Но этого не будет. Я сбегу. Я верю в это, даже когда он защелкивает на моих запястьях браслеты наручников.

– Это необязательно, - слабо возмущаюсь я, - я же обещала, что буду себя хорошо вести...

Он слегка качает головой. Противогаз двигается из стороны в сторону. Нет.

– Ты... - вырывается у меня, - не можешь разговаривать? Ты немой?

Я уже сомневаюсь, что действительно слышала его голос. Может быть, это лишь другие настройки программы, которую он использует, чтобы синтезировать речь. Современные технологии зашли далеко. Он не отвечает, оставляя меня терзаться в догадках.

Он выводит меня из комнаты, и я счастлива, как ребенок. Мне уже надоела моя темница, и вид другого помещения действует обнадеживающе.

Это коридор, довольно длинный и освещенный лампами под потолком, в нем еще несколько дверей, окон нет. Вопреки моим ожиданиям он выглядит до крайности буднично – такой мог бы быть в старом офисном здании или многоквартирном доме. Я рассчитывала увидеть выщербленные в камне стены, сталактиты, летучих мышей и капли конденсата, а не скучную серую краску. Я сбита с толку. Это не похоже на бункер; впрочем, наличие других дверей настораживает. Вдруг я лишь одна из многих его жертв, томящихся в соседних камерах.

Есть ли среди них Зои?

За одной из дверей находится санузел, слишком обычный для такого жуткого места. Темный кафель, белая сантехника, душевая кабина за однотонной шторой и зеркало над ра-

ковиной. Никаких лишних, а главное пугающих деталей. Я будто попала в провинциальную гостиницу или придорожный мотель. Мне остается надеется, что владеет этим мотелем не семейство Бэйтсов.

Оставшись одна, я делаю свои дела и высматриваю на полу застарелые пятна крови. Ничего. Здесь чисто. Пахнет хлоркой и освежителем воздуха. Какие бы темные дела не происходили в этом помещении, кто-то устранил все напоминания.

Маньяк держит свои владения в образцовом порядке. На минуту мне даже становится стыдно. Я представляю, в какой ужас он пришел бы от бардака, что царит в моей нью-йоркской квартире. Одна только душевая выглядит так, будто я каждый день разделяваю в ней трупы. И храню в холодильнике. Это бы объяснило смрад, раздающийся оттуда, стоит только открыть дверцу.

Я отказываюсь от идеи принять душ, хотя искушение велико, тело ощущается грязным и издает неприятный запах. Не стоит. Дверь закрывается снаружи, и я не чувствую себя в достаточной безопасности, чтобы раздеваться. В качестве компромисса я стаскиваю футболку, оставшись в спортивном лифчике, и намочив ткань в раковине, обтираю лицо, плечи и кожу подмышками.

Я чувствую себя лучше, но мое отражение в небольшом зеркале все равно производит удручающее впечатление. Под глазами синяки, волосы спутались и сбились в колтун, гла-

за лихорадочно блестят. Я представляю на своем месте Зою. Учитывая, что она даже с опухшей от слез физиономией была красавицей, вероятно, она и в таких безумных обстоятельствах осталась бы королевой школьного бала. Как героиня слэшеров. Меня всегда поражало, что избитые, вымазанные в грязи и крови, они все также миловидны, как в начальных сценах до момента атаки. Это магия кино.

В жизни все иначе.

Похититель ждет меня в коридоре. На мгновение я задерживаюсь, вглядываясь в стекла его противогаза, пытаюсь дорисовать за стеклом и пластиком человека, но ничего не выходит. Его жуткий образ сбивает с толку. Мне начинает казаться, что под маской ничего нет, или он вовсе какой-то киборг. Современный Франкенштейн, сбежавший из-под контроля своего создателя. Но я слышу дыхание через фильтр. Оно тихое, но вполне человеческое. В лесу к противогазу была пристегнута трубка, наверное, именно она и издавала те неприятные, свистящие звуки.

Меня так и подмывает дернуть за фильтр вверх, но я понимаю, что получу пулю раньше, чем приступлю к осуществлению этого маневра. Если под этим облачением и прячется простой смертный, он не допустит, чтобы я видела его настоящее лицо. Мне нельзя его видеть.

Если я его увижу, подпишу себе смертный приговор. Он не даст мне уйти.

Он и сейчас не торопится, но пока есть крошечный шанс.

Мне до сих пор неизвестно, не являюсь ли я первой и единственной жертвой. Вдруг он испугается того, что натворил, и попытается сдать назад. Никому не хочется в тюрьму. Обладание Зои не стоит того, тем более – ее подругой, сцапанной по нелепой случайности. Быть утешительным призом – по-своему унижительно, но я привыкла. Вероятно, для Брэда я тоже была чем-то подобным. Теперь место взбалмошного парня-наркомана Зои занял ее преследователь.

Но всем им нужна только она. Не я.

Я молчу, пока мы идем до двери. Я набираюсь храбрости. Посещение уборной и водные процедуры вернули мне прежний боевой настрой, а злые мысли придали нужный импульс.

Если ему нужна Зои – пусть пойдет и заберет ее. Я хочу на свободу. Меня мутит от мысли, что я снова окажусь запертой в этой ужасной комнате.

Я притормаживаю у двери, и, поражаясь тому, откуда во мне вдруг взялось только сил, толкаю преследователя в полумрак своей темницы. Мне не удастся сбить его с ног, все же я значительно уступаю ему в массе, но мне достаточно и мгновения его замешательства. Я захлопываю за ним дверь, разворачиваюсь и бросаюсь бежать. Дергаю ручки других комнат, но они заперты.

Он предполагал, что я снова пытаюсь сбежать.

Я рычу от злости. Шаги настигают меня у дальней двери – конечно, он легко освободился, ведь знает код. Пистолет утыкается мне между лопаток, но из-за адреналина, бушующую

щего в моей крови, я не чувствую страха. Обиду – да, но не страх.

Это было наивно.

– Пристрели меня и покончим с этим! – кричу я, а потом прибегаю к тому, что лишено смысла и явно ниже моего достоинства. Я зову на помощь. Стены в комнате обиты звуконепроницаемым материалом, но в коридоре – нет. Или я просто убеждаю себя в этом. – Помогите! Кто-нибудь! Пожалуйста! Я здесь!

Рука в перчатке зажимает мне рот. Я неистово мычу в резину, задыхаясь от исходящего от нее специфического запаха и собственного гнева. Похититель давит сильнее, практически впечатывая меня спиной в свою грудную клетку. Майка тонкая и все еще мокрая, я чувствую через ткань жесткость его грудных мышц. Мне не повезло. Чокнутый поклонник Зои ведь мог оказаться хилым доходягой! Но в схватке с чертовым шестифутовым качком мне не помог бы даже черный пояс по карате.

Я все равно сопротивляюсь, пока он тащит меня обратно в комнату. Мои руки связаны, но я дергаю локтями, силясь ударить его, упираюсь ногами в пол. Его терпение не безгранично. Он вздергивает меня вверх, легко, будто я какой-то разыгравшийся щенок, и швыряет в полумрак.

Дверь хлопает у меня за спиной. Он даже не снял наручники! Из-за моей возни они натерли запястья, и кожа уже начинает покрываться крошечными гематомами в местах кон-

такта с металлом.

– Сука, - шепчу я. Во мне еще полыхает ярость, которой нужно срочно дать выход, иначе моя голова попросту взорвется и забрызгает все вокруг ошметками мозгов. Пусть и было бы куда разумнее успокоиться и приберечь силы для новых попыток бегства.

Я подхватываю с пола поднос и швыряю в стекло. Этого мало. Я поднимаю его и проделяваю это снова. Поднос пластиковый, но куда крепче ведра, я смогу развлекаться с ним очень долго. Я кидаюсь им, пока не устаю.

Я сползаю на пол и порыве бессильного гнева кусаю зубами цепь наручников. Я тщательно взмешиваю, так ли мне нужны мои зубы или большие пальцы. Я видела много фильмов, где их ломают, чтобы выбраться.

Думай – приказываю я себе, - думай, Грейс.

Я вспоминаю коридор и цепляюсь за мысль, что он не похож на коридор бункера или подвала, нет. Но мне никак не удастся выудить из памяти подходящий образ. Я ведь уже бывала в таком месте. Потолочные панели, серые стены, одинаковые двери, равноудаленные друг от друга. Пол... какой там был пол? Мне показалось, или это был линолеум? Кто, во имя всего святого, выкладывает полы в бункере линолеумом? А вот в офисных зданиях, госучреждениях, школах... Нет. Стоп.

Вероятно, у моего похитителя очень странные представления о том, как должна выглядеть его берлога маньяка.

Что еще я знаю, что еще я успела увидеть, пока была вне этой комнаты? Санузел, но воспоминания о нем не дают подсказки. У меня слишком мало информации, чтобы прийти к каким-то выводам, но строить предположения лучше, чем отыгрываться на подносе или биться, словно попавшая в силки птица.

Я поднимаюсь на ноги, подхожу поближе, и, задрав голову до хруста в шейных позвонках, гляжу на колонку. Из-за полумрака трудно разобрать название фирмы, но что-то подсказывает мне, что она довольно старая. Я давно таких не видела. Жаль, что я не могу туда добраться, оборвать провода и попробовать устроить короткое замыкание. Если это какое-то офисное здание, в нем может быть пожарная сигнализация. Но я не уверена, что нахожусь в офисном здании. Это лишь теория.

Я разминаю затекшие из-за наушников кисти и снова подбираю поднос. Ярость иссякла. Мне уже не хочется швырять им о стену, но нужно чем-то себя занять. Я провожу пальцами по крошечным царапинам на пластике, оставшимся после столкновений со стеклом.

– Если ты прекратишь беситься, я приду и сниму с тебя наручники, - вдруг раздается из колонок. Ублюдок! Все это время он наблюдал за мной, и, должно быть, потешался над моей беспомощностью.

– Нет, спасибо, - бурчу я, отхожу в дальний от стекла угол и сажусь спиной к нему. Я напоминаю себе животное в зоо-

парке, которое не желает развлекать публику какими-то милыми выходками, а мечтает, чтобы его наконец-то оставили в покое. Или отпустили на волю.

– Как хочешь.

Конечно, я взрываюсь. Любой человек на моем месте, имея он хоть железобетонную выдержку и самообладание буддийского монаха, вышел бы из себя. Это просто издевательство!

– Да пошел ты, суки сын, - рявкаю я, не оборачиваясь, - я хочу, чтобы ты выпустил меня отсюда.

Молчание. Он успешно прикидывается глухонемым, когда ему это выгодно.

– Что тебе от меня нужно? – прямо спрашиваю я.

Колонки потрескивают. Я успокаиваю дыхание, чтобы прислушаться, когда он снова начнет говорить и не пропустить не единой детали. Я все еще пытаюсь понять – это человеческий голос, пропущенный через фильтры или искусственно сгенерированный какой-то программой.

Мне это ничего не даст, но других развлечений тут нет.

– За тобой интересно наблюдать.

Блеск!

– Купи себе телевизор, говнюк! – огрызаюсь я, - или возьми свой сраный бинокль и иди подсматривать за Зои! А то ей надоест торчать в глуши, она вернется в Нью-Йорк, и там ты до нее не доберешься!

Я зажимаю себе рот руками и трясую головой. Я только что

дала этому мутному типу прямое указание пойти и сцапать мою лучшую подругу, и не важно, бывшая она лучшая подруга или нет. Какая бы кошка между нами не пробежала, я не имею права предлагать какому-то психопату забрать Зою вместо меня.

Да и будто ему нужны мои рекомендации! В коридоре много дверей, не стоит исключать, что Зою уже томит в соседней комнате.

– Ты зациклилась на ней, - подмечает похититель. Голос звучит ровно, спокойно, будто я не заперта в клетке, а сижу на приеме у психотерапевта.

– Ничего подобного, - принимаюсь спорить я, - это ты зациклился на ней. Ты ведь собирался похитить ее, верно? А я тебе помешала. Ты испугался, что я вызову копов – и вот я здесь, веду с тобой тупые, бессмысленные беседы.

– Можешь вести умные и осмысленные, - он смеется. Колонки хрипят.

Я, конечно, бесконечно зла и могу думать лишь об одном – как добраться до этого подонка и открутить ему голову, но все же обращаю на это внимание. Выходит, он использует программу, искажающую голос. В ином случае, ему пришлось бы написать после своей реплики в запросе «ха-ха-ха», а это слишком безумно и глупо даже для маньяка. И интервалы между помехами были бы равные.

– В чем заключался твой план? – наступаю я, - ты похитил бы ее, запер здесь... а дальше? Держал взаперти, пока у нее

не разовьется «стокгольмский синдром»?

– Любопытная теория.

– Это так? – давяю я, - дай угадаю: ты какой-то закомплексованный придурок, которому все же хватило ума понять, что такая, как она, не даст тебе даже из жалости? Но дело не в сексе, иначе ты просто вломился бы к Зои в дом, и взял то, что тебе нужно. Ты хочешь, чтобы тебя любили. Наверное, тебя не любила мать. Или любила слишком сильно. Или бросила. Не важно. В результате ты понятия не имеешь, как нормально общаться с женщинами. Но, к твоему сведению, можно было бы попробовать там... не знаю. Написать ей. Сводить ее куда-нибудь... Так делают обычные люди. Иногда это работает.

Я сама поражаюсь выданной многословной речи. И мне впервые за все это время делается по-настоящему страшно: я чувствую, что перегнула палку. Мне некого будет обвинить, если он рассердится и явится, чтобы все-таки меня прикончить. Вполне заслуженно. Никому не нравится, когда лезут в душу. Я сама это ненавижу.

Но я просто не сдамся. А он не идет. Он говорит:

– Дай угадаю: из-за отца-маньяка ты наблюдалась у психолога? У него понабралась всех этих приемчиков? Думаешь, я разозлюсь? Или чего ты добиваешься?

– Я хочу найти в этом хоть крупицу смысла, - откликаюсь я, мягче, спокойнее, - понять, зачем ты это делаешь. Если тебе так нужна Зои, почему было не пойти нормальным пу-

тем?

Тишина. Я напрягаю слух, чтобы быть готовой, если услышу звук открываемого дверного замка, но ничего не происходит. Меня охватывает нервозность, становится сложно усидеть на месте. Я поднимаюсь на ноги и меряю комнату шагами, пока не замечаю дырку на носке. Она полностью завладевает моим вниманием, я нагибаюсь и ковыряю ее пальцем, раздосадованная тем, что, скорее всего, умру в рваных носках.

Я представляю себе, как мой посиневший трупик всплывает из озера или прибывается к берегу реки, а явившиеся на место полицейские и коронеры фотографируют его со всех сторон. Им важны все детали, так что ступни в этих дурацких носках тоже попадут в дело, как неоспоримое доказательство того, какой жалкой была моя жизнь.

– Придется тебя расстроить, - говорю я с искренним сожалением, - ты ошибся. Тебе нужно было похищать не меня. Не Зои. А Брэда.

– Что еще за Брэд?

– О! Как же ты не знаешь Брэда! – смеюсь я, - его знают все, он же гениальный музыкант. А по совместительству – любовь всей жизни Зои. Она много лет по нему сохнет, а он обращается с ней, как с мусором, изменяет ей, обманывает ее, все время вытворяет какую-то дичь, из-за которой она страшно страдает. И она все равно его прощает. Если бы ты его грохнул, мир стал бы чуточку лучше. Я бы сама его уби-

ла, но не хочу марать руки.

Мне не удастся заинтересовать похитителя этой темой. Ему плевать на Брэда, и, честно говоря, я сама толком не понимаю, почему мне не плевать. Любое напоминание о нем – напоминание о моих унижении и моральном падении. О предательстве и ненависти к себе. Ничего хорошего. Мне и без такого багажа не очень комфортно в этой комнате.

– Ты убивала кого-нибудь?

– Конечно, - заверяю я, - я же дочь серийного убийцы. Это у меня в крови. Убивать – мое хобби. Каждый месяц убиваю кого-нибудь нового, чтобы не потерять навык. Главное в этом деле – вовремя и грамотно избавляться от тел. И не попасться на какой-то мелочи. Многие совершают нелепые ошибки, тогда сразу видно дилетанта...

Я умолкаю и прячу лицо в ладонях, пытаюсь остудить пылающий лоб металлом наручников.

Боже! Что я несу! Да я действительно в отчаянии. Я выгляжу жалко. Я могу понадеяться лишь на то, что вдохновившись моими разглагольствованиями, похититель прикончит меня поскорее. Чтобы и дальше не слушать эти безумные бредни.

Он молчит. А я вбиваю новый гвоздь в крышку своего гроба.

– В общем... к чему я это, - продолжаю я, - Зои обожает Брэда. Пока он жив – тебе ничего не светит. Но если ты меня выпустишь, я убью его для тебя.

Он еще здесь? Я поглядываю в сторону стекла, стараясь, чтобы при этом волосы скрывали мое лицо, и похититель не мог видеть всей гаммы чувств, написанной на нем. Что-то падает мне за шиворот, и, опустив взгляд, я замечаю мокрое пятнышко на подсохшей футболке. Я ощупываю свое лицо – это просто одна-единственная слезинка.

– По рукам, - вдруг говорит похититель.

Тогда

Я натягиваю капюшон спального мешка на голову и включаю фонарик. Яркий свет режет глаза, а во рту даже после чистки зубов остался противный кисло-сладкий привкус маршмелоу. Мы готовили его прямо под дождем, накрыв костер тентом, но огонь все время гас, не желая пожирать мокрый хворост.

Маршмелоу обгорели снаружи и покрылись черной, хрустящей корочкой. Я отковыривала ее, и на пальцах сохранилось неприятное ощущение липкости. Зои ела прямо так и испачкала щеку. Я не стала говорить ей, потешаясь с того, как нелепо это выглядит, а она все недоумевала, что меня забавляет.

Она тоже не спит. Я знаю. Я лежу и глупо улыбаюсь, слушая ее дыхание, пока она лишь прикидывается спящей.

В лагере тихо – остальные участники похода уже разбрелись по своим палаткам. Дождь стучит по брезенту. Где-то далеко в лесу кричит ночная птица, может быть сова. Совы меня пугают. В тайне от родителей я смотрела «Твин Пикс»

и теперь не жду от этих птиц ничего хорошего. Честно говоря, я мало, что поняла, но в целом мне понравилось. Я люблю всякие жуткие вещи. Люблю, чтобы по спине бежали мурашки.

– Эй, - говорю я шепотом, - спишь?

– Не-а, - откликается Зои. Она шуршит пенкой, пододвигаясь поближе. Я вижу ее лицо в пещерке из спальника. След от горелого маршмелоу пропал, видимо, стерся сам собой, пока она ворочалась. Тусклый свет фонарика делает ее бледной, как привидение.

– Тупой дождь, - сокрушаюсь я, - обычно ночами мы рассказываем страшилки у костра, но он все испортил. Бесит.

– Ничего, - утешает меня Зои, - мы же еще пойдем с тобой в поход, да? Но я послушала бы страшную историю. Расскажешь? Для меня.

– Конечно, - самодовольно заявляю я, хотя, честно говоря, обычно больше слушаю, чем участвую во всеобщем обсуждении.

Ребята заверяют, что истории реальные, но ежу понятно, что все это выдумки. У меня богатая фантазия, я могла бы напридумывать чего-то экстраординарного, если бы хотела. Но мне не нравится быть в центре внимания. Я предпочитаю оставаться в тени. Наблюдать. Подмечать интересные детали. Иногда я делаю заметки в блокноте, если удастся найти стоящий материал. У меня специальная коробка для этих блокнотов. И для писем.

Я пересказываю Зои сюжет фильма ужасов, который недавно смотрела на ночевке у другой своей подружки. Зои туда не позвали, она новенькая и не успела влиться в коллектив, да и не внушает доверия. Она слишком красивая. Других девочек это бесит. Только я дала ей шанс. И она благодарна за это.

Она слушает, раскрыв рот. В конце я заявляю, что эта история произошла в нашем районе. Зои охотно верит – она видела тот жуткий старый дом. На мою удачу, наверное, в каждом небольшом городке есть свой жуткий старый дом, окутанный массой легенд и суеверий. Это убеждает Зои в правдивости моих слов.

– А ты? – спрашиваю я, - знаешь какие-нибудь истории?

Зои мотает головой и поправляет кофту, свернутую рулончиком, которую использует вместо подушки. Эту кофту дала ей я. Зои не догадалась взять теплые вещи и запасные носки.

– Нет... - говорит она, - но я могу рассказать тебе кое-что. Тайну. Только поклянись, что никогда никому не скажешь.

– Клянусь.

– Нет, этого мало, - фыркает Зои, - это действительно серьезная тайна. Страшная тайна. Поклянись своей мамой.

– Да блин, - ворчливо тяну я, - ладно, твоя взяла. Клянусь мамой, что никому никогда не скажу. Что там у тебя? Но если какая-то хрень, то я измажу тебя зубной пастой, пока ты будешь спать.

– Это не хрень, - обиженно говорит Зои.

Она выдерживает паузу. Дождь барабанит по скату палатки. Я переворачиваюсь на спину и вожу лучом фонарика по потолку, чтобы убедиться – это дождь, а не вездесущие совы. Мало ли, вдруг им зачем-то вздумается усесться на крышу палатки и нас напугать. В темноте, с этим одиноким лучом, мне кажется, что мы в Черном Вигваме. И в этих местах есть свои старые индейские легенды. Они куда страшнее и увлекательнее, чем глупости, что мои сверстники пересказывают друг другу в походах.

Я не жду ничего особенного и от Зои, но ей удастся меня удивить.

– Только никому не рассказывай, - еще раз повторяет она, прежде чем начать, - моя мама всем говорит, что она в разводе, но это неправда. Она и не была замужем. Мой папа - серийный убийца, он сидит в тюрьме. Она восхищалась им, писала ему письма и приезжала в тюрьму... Я никогда его не видела, но нашла статью в газете. Он убил много людей. Много девушек. Он снимал с них кожу и подвешивал на крюках в сарае.

Я взволнованно ерзаю.

– Ого, - вырывается у меня, - правда, что ли?

Зои какое-то время молчит, а потом смеется.

– Нет, - заявляет она, - я это выдумала. Но видела бы ты свое лицо, Грейс!

– Коза, - я пинаю ее кулаком в плечо, - а я то думала! Еще

заставила меня клясться. Я с тобой не разговариваю.

Я демонстративно отворачиваюсь к противоположной стенке и гашу фонарик. Мы лежим в темноте. Сова кричит совсем близко и мне хочется выйти наружу и посмотреть на нее. Но это не стоит того, чтобы покидать теплый спальный мешок, натягивать мокрую обувь и тащиться под дождь.

– Я не знаю, кто мой папа, - тихо, доверительно говорит Зои, - мама никогда о нем не рассказывала. А мне... всегда так хотелось знать, кто он. Или чтобы он вдруг появился, и у меня была нормальная семья. Такая, как у тебя. Спасибо, что вы добры к нам с мамой.

– Угу, - я все еще обижена, но сложно остаться равнодушной после таких слов. Мое «угу» звучит не злым, а скорее сонным.

– Здорово, если бы мы были одной семьей, - продолжает Зои, - я хотела бы такую сестру, как ты.

Я задерживаю дыхание. У меня есть подружки, я не какой-то там изгой, не дикарка, избегающая общества, но подобных вещей ни от кого не слышала. Это впечатляет. Это – как признание в любви, только в дружбе. Я всегда украдкой мечтала иметь, если не сестру, то лучшую подругу. Я взволнована и польщена, но не собираюсь этого показывать.

– Не подлизывайся, - говорю я. Зои подползает поближе, и, сопя, утыкается носом мне в затылок.

– Спокойной ночи, Грейс, - шепчет она, и мне кажется, что она улыбается.

3.

Сейчас.

У меня ломит все тело. Болят: шея, спина, голова, руки, ноги, даже, кажется, десны. Каждая клеточка посылает болевой сигнал в мозг, и его коротит от обилия этих импульсов. А еще я жутко замерзла – те части моего тела, что не подвержены адской агонии, просто никак не ощущаются. Наверное, их придется ампутировать из-за обморожения.

Я со стоном разлепляю веки и снова смыкаю.

Свет бьет по глазам. Я часто моргаю, пока картинка не становится четкой, но все расплывается от выступивших слез.

Я не сразу понимаю, где я. Но, как только до меня доходит, слезы иссякают сами-собой, а я исторгаю из пересохшего горла поток непечатной ругани.

Ладно, не все так плохо.

Я в своей старой колыхаге, втиснута в водительское сидение. Ноги упираются в руль, подошвы кроссовок лежат рядом с педалями. Машина припаркована на обочине шоссе, мимо со свистом проносятся другие автомобили. От движения воздуха моя старушка слегка покачивается.

Черная лента шоссе тонет в легкой дымке. Заснеженные верхушки деревьев смыкаются над головой, образуя плотный коридор.

На пассажирском сидении мой телефон, бумажник и бутылка воды. И будь я проклята, если эта бутылка не похожа на ту, что приносил похититель. Она, как и боль во всем теле, доказывает, что мне это не приснилось. И пусть я в своей машине, а обувь, парка и толстовка снова на мне, но я таки побывала узницей того психопата.

И он зачем-то меня отпустил.

Я пока не готова размышлять о мотивах его поступка. Не в этот момент. Я предпочитаю радоваться, что снова оказалась на воле.

Как долго я там пробыла? Сколько времени? Какой сейчас день? Какой сейчас, черт возьми, год?

Я хватаю телефон, но он, конечно, разряжен. На холоде батарея совсем не держит заряд. Я желчно думаю, что со стороны ублюдка в противогазе, раз уж он взялся обо мне позаботиться, было бы мило подзарядить мой сотовый или оставить повербанк в качестве моральной компенсации. Не только воду.

Я судорожно переворачиваю бардачок верх дном, вытряхивая все его содержимое на пол в поисках зарядки. Она находится на самом дне – под коллекцией самых непостижимых и неожиданных вещей. Бардачок не просто так получил свое название. Я использую его по назначению. Кто я, чтобы спорить с теми, кто дал ему такое имя? Я достигла успеха. Аккуратной меня не назовешь.

Ключ вставлен в зажигание, не с первой попытки, но дви-

гатель заводится. На телефоне загорается индикатор зарядки. Я разминаю затекшую шею и осматриваю свои запястья – на них остались синяки от наручников. Я не придумала свое похищение. У меня есть доказательство.

Я не сошла с ума.

Я долго сижу, уставившись перед собой, и наблюдаю за проезжающими мимо машинами. Вероятно, у меня шок. Или что-то подобное. По крайней мере, справиться с мыслями мне удастся не сразу. Произошедшее настолько выбило меня из колеи, что я чувствую себя полностью дезориентированной. Мне хочется плакать и смеяться одновременно, но я этого не делаю.

Я просовываю руку под одежду, расстегиваю пуговицу на джинсах и ощупываю свое белье. Вроде как, оно сухое, а промежность не саднит. Если бы меня изнасиловали, я бы это заметила. Или нет? Я не уверена. Я уже ни в чем не уверена.

Телефон достаточно заряжается, включается и вибрирует. Я нагибаюсь, ложусь грудью на руль и вижу уведомления, одно за другим возникающее на экране. Мне звонила Зои. Мне писала Зои. Она оставила мне тысячу сообщений на голосовую почту. Я могу только догадываться, с чего вдруг подруга загорелась таким интересом к моей убогой персоне.

«Грейс, пожалуйста, ответь».

Возможно, Зои звала меня на помощь, потому что мой приятель в противогазе явился за ней. И сейчас она томится в той самой комнате, пока я сижу в машине и с нервной

улыбкой копошусь в своих трусах, пытаюсь убедить себя, что, пока я была в отключке, в меня не засунули член или что похуже.

Ну, как минимум, при помешательстве моего похитителя на чистоте, можно не беспокоиться о риске обзавестись каким-нибудь постыдным заболеванием. Не сомневаюсь, что предварительная ванна из антисептика была обязательным пунктом программы.

Мерзость.

— Прекрати, - говорю я себе. Это нездорово.

Я стыдливо выдергиваю руку и зачем-то обнюхиваю пальцы. Мне жизненно необходимо принять душ. А еще мне нужны туалет и горячий кофе. За кофе я готова убить. Да, я многого хочу. Но после того, что я пережила, я имею на это право.

Я выруливаю с обочины, и, двигаясь с небольшой скоростью в правом ряду, выискиваю взглядом заправку. К счастью, она быстро находится чуть дальше по шоссе. В дороге я слушаю сообщения, оставленные Зои. С ней все в порядке. Она говорит, что ей одиноко в этом доме и она страшно скучает. Она просит прощения, хотя я не понимаю за что. Она снова повторяет «скучаю» и многословно объясняет, что просто не может вернуться в Нью-Йорк, чтобы встретиться со мной. Там Брэд. Ей нужно держаться от него подальше.

Я изумленно поднимаю брови: а мне казалось, что они по-

мирились.

После очередного неотвеченного послания, тон Зои делается обвиняющим, а фразы короткими. *«Я волнуюсь. Да, ты обижена, но могла бы ответить»* - это я слушаю, уже паркуюсь возле заправки. Я швыряю телефон в бардачок, словно Зои заключена в нем, и таким способом я могу заставить ее замолчать. Но ее голос уже просочился мне в голову. Ее зов, как песня сирен. Он подавляет волю. Это сильнее меня.

Я беру кофе и хот-дог и забиваюсь в дальний угол пустующего зала.

Обычно меня раздражают посторонние, но после заточения наедине с тем зловещим чучелом, я нуждаюсь в нормальных людях вокруг. Мне жаль, что в такой час здесь никого. Мне нужно напоминание, что мир не сошел с ума, что он не сводится к одной точке, к злости, ужасу и неопределенности.

К матрасу, колонкам и черному стеклу.

Я хочу снова оказаться в Нью-Йорке, раствориться среди толпы, обилия звуков, красок и запахов. Здесь слишком тихо. Слишком пусто. Слишком стерильно. Будто я все еще взаперти, просто клетка стала чуточку больше.

Я залпом допиваю кофе, чтобы протолкнуть застрявший в горле хот-дог, и мчусь к машине.

Каких-то шесть часов и я буду в безопасности. Я буду дома, хотя прежде мне никогда не приходило в голову использовать это слово по отношению к шумному, раздражающе-

му мегаполису. Я переехала туда вслед за Зои. Это была ее мечта, не моя. Мне было все равно. Я следовала за ней, как тень. Как чокнутый сталкер.

Машина словно чувствует мое состояние и не хочет заводиться. Я вновь и вновь поворачиваю ключ, но приборная панель мигает и гаснет. Или моя старушка не хочет, чтобы я вмазалась в дерево, если в дороге меня накроет паническая атака, или попросту сел аккумулятор. Такое бывает от холода, а автомобили пока не развили в себе склонностей к эмпатии.

Кто-то стучит в стекло, и я взвизгиваю от неожиданности. У меня нет душевных сил, чтобы посмотреть на человека рядом с тачкой, но я вижу его тень, закрывающую мне свет.

– У вас все в порядке? – доносится до меня. И мне становится легче. От звука человеческого голоса, не искаженно-го неведомыми технологическими прибрлудами, узел в груди ослабевает. Я выныриваю из своего кошмара и возвращаюсь в реальность. Открываю окно, и в лицо ударяет волна морозного воздуха снаружи.

Свежий, морозный воздух.

Боже, как хорошо!

– Кажется... у меня сел аккумулятор, - смущенно говорю я.

– Я вам помогу, - говорит незнакомец, посланный, кажется самым провидением. – У меня есть провода для прикуривания. Советую и вам обзавестись, зима все-таки.

– Ага, зима, - вторю я. Последний день осени я провела в замкнутом пространстве. Я имею право быть странной и пришибленной. Но мне не стоит рассказывать об этом первому встречному. Пусть думает, что я безалаберная девица, которая не знает, как управляться с машиной.

Я дергаю рычаг разблокировки замка капота и жду дальнейших указаний. Мужчина подгоняет поближе большой, черный автомобиль, невольно напоминаящий мне катафалк, и соединяет аккумуляторы проводами. Он машет мне.

Я вижу только верхнюю часть его лица – темные глаза и прижатые шапкой волосы. Нижнюю половину скрывает огромный шарф, намотанный в несколько слоев. Здесь не Нью-Йорк, климат суровый. Мне бы тоже не помешали шарф, шапка и перчатки, как у местных. Я не приспособлена к холоду. Но я не планирую тут оставаться.

С меня хватит.

Моя старушка кряхтит и оживает. Я дышу на руки, чтобы хоть немного согреть замерзшие пальцы. Знаю, что надо поблагодарить незнакомца за помощь, но слова встают поперек горла. Кажется, пока я сидела в том подвале – или что это было – я и сама разучилась разговаривать и нормально контактировать с людьми. Я шарахаюсь от смотанных проводов, протянутых мне в открытое окно, смотрю на них, будто мужчина пихает мне в салон гремучую змею. Мозг очень долго обрабатывает информацию.

– Возьмите, - говорит незнакомец. – Вдруг опять заглох-

нете. И не гасите двигатель какое-то время.

Да господи! Я знаю, что такое зима и не нуждаюсь в инструкциях, как обращаться с машиной в холодное время года. Раньше я бы высказала это собеседнику в лицо, сейчас меня хватает только на слабый кивок.

Я беру провода. Руки дрожат. Мне стыдно. Этот мужик помог мне, у него приятный голос, благие намерения и добрые глаза. Я могла бы предложить ему выпить кофе в благодарность за спасение, но во мне что-то сломалось. Я швыряю провода на сидение рядом, включаю габаритные огни и кладу руки на руль.

Мол, мне пора ехать.

– Вы точно в порядке? – уточняет мужчина. – Уверены, что вам...

– Уверена, - перебиваю я. Выходит грубовато.

Я резко трогаюсь с места, и, чтобы хоть немного собраться, включаю музыку. Увы, она только раздражает.

Убравшись подальше от заправки, торможу на обочине и прокладываю обратный маршрут. Навигатор говорит, что из-за погодных условий дорога займет не шесть, а восемь часов. Помогите мне Бог! Я прикидываю в уме вероятность, что засну за рулем, врежусь в фуру или улечу в кювет. Она кажется до отвращения высокой.

Зои не хочет, чтобы я умирала. Телефон у меня в руках вибрирует и на экране возникает ее физиономия. Я минуту сомневаюсь, а потом принимаю вызов.

– Да?

– Грейс, господи! – выдыхает она. – Что с тобой? Где ты?

Почему ты не отвечаешь?

Потому что твой чокнутый поклонник забрал мой телефон и держал меня взаперти. Но сейчас уже все хорошо – ему, видимо, надоело трепаться со мной за жизнь и пресекать мои попытки к бегству. И тебе привет, Зои. Я, кстати, тут неподалеку.

Я проговариваю это про себя. Зои тем временем все больше закипает. Она заполняет паузу:

– Грейс? Не молчи.

– Я... была за рулем, не могла говорить, - выдаю я.

– За рулем? Куда ты собралась? К маме поехала?

Теперь уже очередь Зои ненадолго подвиснуть. Я использую это время, чтобы принять решение. В действительности, в этом нет необходимости: я уже все решила. У меня нет выбора. Я бы все равно это сделала. Я даже не буду оправдываться перед самой собой, что сейчас не осилю долгую дорогу домой. Это ложь.

Мне нужно ее увидеть.

– Нет, - говорю я, - к тебе. Хотела сделать сюрприз.

При встрече Зои целует меня в лоб и так долго держит в объятиях, будто на дворе первая мировая, а я ее жених,

вернувшийся с фронта.

Возможно, та девчонка из колледжа права – и есть у нашей дружбы некий пикантный оттенок. Но это кажется противоестественным – думать о Зои в таком ключе. Она очень красивая: у нее тело фотомодели и лицо ангела. Я тысячу раз наблюдала ее обнаженной и три тысячи раз в белье, от вида которого любой мужчина пал бы к ее ногам. Но мне никогда не хотелось ее поцеловать.

Убить – да. Но целовать – нет. И тем более – что-то большее. Мы же сестры. Зои сама так сказала.

Мы решаем отложить выяснение отношений на потом. Зои страшно соскучилась и превращается в заботливую мамашу. С ней невозможно спорить: я устала с дороги и мне нужно организовать достойный прием.

Она набирает мне ванну – огромную ванну возле панорамного окна, выходящего в лес. Занавесок нет, как и нигде в ее доме. Зои не боится незримых соглядатаев, чьи глаза чутко следят за каждым ее шагом. Она любит внимание. Она не испытывает такого дискомфорта, как я. Она не побывала в той страшной комнате. Как минимум, пока. А я побывала, потому тороплюсь скинуть одежду и спрятать свою продрогшую тушку в горячей воде.

На специальной полочке рядом с ванной Зои оставляет поднос с шампанским и свежей клубникой.

Вот это, я понимаю, сервис! Как в пятизвездочном отеле. Чудика в противогазе стоило бы у нее поучиться.

Зои задерживается, чтобы проверить температуру воды и убедиться, что не сварит меня заживо. Пока она порхает вокруг, расставляя на бортике свои дорожные шампуни, крема и всевозможные косметические средства, я разглядываю ванную комнату. Я игнорирую существование окна и смотрю на все, кроме него. Интерьер простой, но элегантный, в светлых тонах. И везде расставлены вазы с пионами.

Я киваю на них:

– Ты, наверное, тратишь целое состояние на все эти цветы.

– А вот и нет, - с загадочной улыбкой говорит Зои. – Они достались мне бесплатно. Мне их присылают.

– Кто? – я жалею, что задала этот вопрос. Если Зои скажет, что это Брэд таким образом пытается извиниться за свое скотское поведение, я сию же минуту утоплюсь в ванне. Я не хочу слышать это имя.

Зои его не говорит.

– Секрет, - многозначительно роняет она и уходит, оставляя меня теряться в догадках.

Я откидываю голову на бортик, но не могу долго наслаждаться теплом, покоем и ванильным ароматом пены, заполнившим помещение. Я тянусь за телефоном, брошенным поверх горки грязных вещей, и, прихлебывая шампанское, открываю инстаграм. И чуть не роняю телефон в воду от неожиданности.

Шампанское лезет не в то горло. Откашлявшись, я еще раз смотрю на экран. Мне не показалось.

Зои только что выложила фотографию. Это натюрморт – в центре белая тарелка со свежими морепродуктами, в обрамлении овощей и разномастных пряных трав. Чуть дальше – бутылка белого вина, два бокала и подсвечник. Букет пионов и окно, за которым проглядывается вездесущий лес.

Под постом подпись:

«Сегодня готовлю ужин для самого важного человека».

Это я, что ли, самый важный человек?

С каких пор?

Я делаю еще один судорожный глоток. Не знаю, что и думать. Я все-таки умерла в той комнате? Клоун в противогазе накачал меня наркотиками, и, лежа на тонком матрасе, я вижу красивый, бредовый сон? Оба этих предположения куда ближе к реальности, чем то, что Зои действительно старается для меня, а не играет на публику. Для Брэда. Или... для кого-то, кто присылает ей пионы в производственных масштабах.

Зои не умеет готовить. У нее кулинарный талант наоборот – она виртуозно способна испоганить даже самое элементарное блюдо. Макаронами в ее исполнении можно пытаться людей, а ее яичница скорее похожа на произведение современного авангардного искусства. Когда художник хаотично льет краску на холст, а потом испражняется сверху.

К счастью, Зои хватает ума и гуманности заказывать еду в ресторанах, а не травмировать людей своими «шедеврами».

Продукты, что на фотографии выглядят так аппетитно,

что мой пустой желудок сводит спазмом, приговорены к уничтожению и скоро превратятся в помои. Надеюсь, что у Зои в холодильнике найдется замороженная пицца или какие-нибудь полуфабрикаты. Я не умерла в том подвале и не хочу умереть от пищевого отравления.

Я читаю комментарии:

«Тебя можно поздравить?» - с чем это, интересно?

«Только ты можешь превратить еду в искусство!» - вот уж точно.

«И кто этот счастливчик? Фото в студию!» - Зои отвечает подмигивающим смайликом.

«Значит, тебе понравились мои цветы».

Я отбрасываю телефон на столик, словно он резко стал жечь мне пальцы.

Наивная дура!

Когда я перестану наступать на одни и те же грабли?

Я опускаюсь под воду, запускаю пальцы в волосы и натягиваю их. Шишка на голове отзывается приглушенной болью и это меня отрезвляет. Я пускаю пузыри, выныриваю и в неистовом порыве снова лезу за телефоном. Я должна знать, кто этот сраный «секрет», что посылает Зои цветы. Для кого она отыгрывает свой спектакль теперь, опять используя меня для своих сетевых манипуляций.

Профиль закрытый, описания нет, на аватарке какая-то черно-белая муть, а имя – набор букв и цифр. Не раздумывая и минуты, я посылаю заявку на добавление в друзья. Это

все равно мой фэйковый, «шпионский» аккаунт. Для отвода глаз я даже загрузила туда фотографии какой-то случайной девицы.

Я оправдываю себя – если этот гаденыш – Брэд, я должна его прищучить. Он не встанет между мной и Зои. Я ему не позволю.

Заявка так и остается висеть, но мне мгновенно приходит сообщение в личку. Даритель пионов очень лаконичен.

«?»

Я не сдаюсь, печатаю: «Привет».

Прочитано, но ответа нет. Я почесываю подбородок мокрыми пальцами, размышляя, и меня осеняет.

«Это Зои, моя «неофициальная» страница. Хотела лично поблагодарить тебя за цветы».

И я тут же отправляюсь в бан. Выходит, он легко меня раскусил, потому что Зои уже общается с ним со своей настоящей страницы. Мне не нравится это предположение, но я обязана его проверить. Я сижу в ванне, придумывая, как бы украдкой завладеть ее телефоном и посмотреть их переписку. К счастью, это не так сложно, как кажется. Скорее всего, мы с Зои будем пить «за встречу», а пьянеет она куда быстрее меня.

Она заглядывает в комнату, чтобы провести меня и оставить возле ванны махровое полотенце и белоснежный халат. Как на богатом курорте. Я вношу халат в список, который когда-нибудь отправлю гаденышу в противогазе. Если узнаю,

как его найти, чтобы расквитаться.

Список будет озаглавлен так:

«Вот, как нужно обращаться с гостями, мудила».

Но я переоценила свои силы: усталость и стресс притупили мою способность к поглощению алкогольных напитков в лошадиных дозах. Я быстро напиваюсь, чуть ли не быстрее Зои.

Во многом виновата ее стряпня. Не знаю, пыталась ли она убить меня таким витиеватым способом или ей двигали исключительно благие намерения, но она превратила те несчастные морепродукты в истинный лавкрафтовский ужас. Хотя они и выглядели так, будто сейчас разбегутся с моей тарелки, чтобы потом атаковать из-за угла, они были переваренными и жесткими, как резина. Мне словно подали красиво сервированный противогаз моего нового друга. И не важно, откуда мне известно, какова резина на вкус. Дети тащат в рот всякую дрянь, я не была исключением.

И эту дрянь приходилось обильно смачивать вином, чтобы не остаться без зубов.

Мы знатно нажились. Стоило вино закончиться, откуда-то волшебным образом материализовалась бутылка «Джека». Мы приговорили и ее.

Я сдалась, решила, что отложу свое расследование до

утра. Зои всегда спит дольше меня, а потом остаток дня делает масочки и другие примочки, чтобы убрать со своего прекрасного лица следы бурной ночи. У меня еще будет возможность незаметно умыкнуть ее телефон.

Пока я нуждаюсь в том, чтобы утопить в алкоголе весь пережитый кошмар.

Зои смотрит на меня хмельным, игривым взглядом, и вдруг говорит:

– Тебе так идут мои вещи... подожди... у меня есть кое-что еще!

Все мои шмотки отправились в стирку, но я была бы не прочь сжечь их во дворе, где есть стильная жаровня для сиделок на свежем воздухе. Зои выдала мне кое-что из своего гардероба: белье и не то платье, не то ночнушку из тонкого шелка вишневого цвета. Ткань такая мягкая и нежная, что я минут пять гладила ее ладонью, прежде чем натянуть на себя. Она... как теплая вода или расплавленный шоколад.

Зои убегает, чуть не опрокидывая по пути кофейный столик, ибо у нее заплетаются ноги, но быстро возвращается с какой-то коробкой. Она снимает крышку и торжественно извлекает оттуда что-то волосатое... кошку?

Парик.

Он – точная копия ее прически.

– Нахрена он тебе? – вырывается у меня.

– Ох, - вздыхает Зои, - как-то я так переживала из-за... - она опускает имя Брэда, - что у меня начали выпадать воло-

сы. Я испугалась, что совсем облысею и... ну, заказала его.

– Оу, - смущенно говорю я.

Она тащит меня к зеркалу и ловким движением фокусника водружает парик мне на голову. В отражении теперь не одна Зои, а две. Если опустить, конечно, мою кислую физиономию, то мы почти одного роста и имеем схожее телосложение. Мы же сестры. Могли бы быть близняшками, как Олсен. Зои любила фильмы с ними, когда мы были мелкими.

Наверное, она мечтала иметь двойника, чтобы отправлять его в школу, а сама целыми днями пялиться в телевизор.

– Круто, да? – шепчет Зои. Ее глаза горят. Ей очень нравится то, что она видит. Она поднимает айфон и делает снимок, который никогда никуда не выложит. Но мне все равно приятно. Хотя я и допускаю каверзную мысль залить его ей в профиль из чистой вредности, когда смогу стянуть ее телефон.

– Поехали куда-нибудь развлечемся? – предлагает Зои. – Прямо так! И пусть все думают, что мы близнецы.

– Где ты собираешься тут развлекаться? – спрашиваю я и ворчливо напоминаю, - здесь не Нью-Йорк, в окрестностях мы найдем разве что какой-нибудь местный «Дом у дороги»...

– И отлично! – обрывает Зои и капризно топает ногой. – В том и прелесть. Здешняя деревенщина меня не знает. Ну... пожалуйста, Грейс, - она делает бровки домиком и складывает руки в молитвенном жесте.

И я зачем-то соглашаюсь.

По правде – я не умею говорить ей «нет».

4.

В такси мы допиваем остатки «Джека». На мне полное обмундирование – карнавальный костюм Зои Рид – парик, ее пушистая белая шубка и сапоги, блестящая сумочка и брендовая бижутерия, словно мы отправляемся на хэллоуинскую вечеринку. Зои нарядилась самой собой, в шмотки, очень похожие на те, что на мне. Я изумляюсь тому, что она перевезла сюда весь свой нью-йоркский гардероб, прежде занимавший отдельное помещение в ее квартире.

Моя убогая берлога была и то меньше ее гардеробной.

Здесьшний ночной клуб – жуткая дыра, но к моменту прибытия туда мы настолько пьяны, что даже радуемся «местному колориту». Задрипанное здание стоит на отшибе, в конце квартала, граничащего с промзоной. Даже снег, нападавший за минувшие сутки, не делает это место менее безобразным.

Внутри жарко и жутко воняет. Стробоскоп бьет по глазам, а громкая музыка по ушам. Пол липкий от пролитого пива. Я ненавижу это, но после тишины и пустоты одиночной камеры вдруг испытываю небывалое удовольствие от нахождения в таких декорациях. Меня успокаивает вид толпы, корчащейся на танцполе, большая часть которой – старшеклассники или мерзкие мужики, явившиеся, чтобы украдкой потереться о безалаберных пьяных школьников.

Мы танцуем, хотя мне не нравится музыка. Пьем и снова

танцуем. В какой-то момент я теряю Зою из виду. Скорее всего, она уже кого-то склеила и в новообретенной компании отправилась на поиски укромного уголка. Она частенько так делала на студенческих вечеринках, в эпоху «до Брэда», пока не решила остепениться. В каком-то смысле – это ренессанс. Зою идет на поправку. Я должна быть за нее рада. Но я куда больше рада за себя – мне не придется подбирать объедки за более красивой подружкой.

Я вправе сделать выбор сама.

Я пью и танцую, а потом болтаю с кем-то за барной стойкой, опрокидывая в себя коктейль за коктейлем. Я уже едва стою на ногах, но не могу остановиться.

Я пьяна и свободна.

Стены исчезли. Мир снова большой и сулит мне много открытий. Прекрасных и удивительных. И даже гадких - типа поцелуев со случайным типом, от которого таращит дешевым пивом, вяленой рыбой и чесноком. Из-за этого пошлевкусия меня начинает мутить. Я бегу в туалет, но он уже кем-то занят, так что мне не остается ничего другого, как выбраться на улицу и поискать мусорный контейнер, чтобы исторгнуть весь выпитый алкоголь. И заодно тошнотворные морепродукты, приготовленные моей лучшей подружкой.

Но мой спонтанный кавалер увязывается за мной. Признаться, я его почти не разглядывала, все время смотрела перед собой, чтобы растрепавшиеся пряди волос скрывали лицо и не обличали, что я не Зою.

Не красotka из инстаграма, а всего лишь я.

Теперь я могу рассмотреть этого парня в свете фонаря, и я разочарована. Я выросла в маленьком городке и не успела обрасти корочкой нью-йоркского снобизма, но слово «деревенщина», презрительно брошенное Зои, невольно приходит на ум. Клетчатая рубашка, линялые джинсы, сальные патлы и не менее сальная улыбочка.

Он настроен на продолжение.

– Куда же ты ушла, детка? – спрашивает он.

– Хочу подышать... воздухом, - отмахиваюсь я, рассчитывая, что он отстанет. За волосами не видно, какой нездорово-зеленый у меня цвет лица.

– Это легко устроить, - заявляет кавалер, - пойдем, прокатимся, - он дергает меня за рукав шубы.

Даже через толстую ткань подкладки и длинноворсовый мех я ощущаю тяжесть его хватки. Меня это злит. Маска спадает. Я не Зои. Я совсем другая девчонка. Но я слишком пьяна, чтобы дать достойный отпор – стоять вертикально – уже подвиг в моем состоянии. А еще я боюсь, что он испортит шубу. Она, вероятно, стоит столько, что покрыла бы весь мой студенческий займ, сдай я ее в комиссионку. Зои откусит мне голову.

Исторгая ругательства, я упираюсь каблуками в снег, но тип упрямо волочет меня к колымаге, еще более жуткой, чем моя собственная.

И чем я только думала, когда позволила ему себя засо-

сать? Ничем. Я не думала. В полумраке ночного клуба все казалось нереальным, словно компьютерная игра или видеоклип.

У меня нет оружия, но есть маленькая блестящая сумочка Зои на длинной цепочке. Пока детина возится с ключами, чтобы распахнуть перед похищенной принцессой дверцу богомерзкой кареты, я отыгрываю смирение. Я выжидаю подходящий момент.

Мое тело – желе, покачивающееся на ветру, но ум становится холодным и острым.

Я набрасываю цепочку мужику на шею и затягиваю, что есть сил. Он орет, а потом начинает хрипеть, вцепившись в импровизированную удавку руками, стараясь ослабить давление на кожу. Он тоже пьян. И он совершенно не готов к тому, что в овечьей шкурке разгуливает волчица. Я буквально висну на жертве, усиливая натяжение собственным весом.

– Я никуда с тобой не поеду, ушлепок, – шепчу я ему на ухо, привстав на цыпочки.

И я бы, наверное, его прикончила, если бы не услышала, как где-то неподалеку хлопнула дверца другой машины. Попасться копам за тем, чем я занимаюсь сейчас – последнее, что мне нужно.

Я рывком сдергиваю цепь, пачусь и плюхаюсь задницей в снег.

– Помогите! – кричу я, как ни в чем не бывало.

Я жертва. Да-да. Я тут жертва.

– Ебнутая! – шипит мужик, прыгает в тачку и давит гашетку в пол. Меня накрывает облаком снежинок. Я кашляю, наглотавшись их на вдохе.

Кто-то опускается рядом со мной и осторожно притрагивается к плечу. Прикосновение очень деликатное и совсем легкое. Есть шанс, что неизвестный, явившийся мне на выручку, не почувствует мою дрожь. Меня трясет. Не от страха – от прилива адреналина и смеха. Но смеяться нельзя, я сдерживаюсь, как могу.

– С вами все в порядке? – голос кажется мне знакомым.

Я напрягаю память, но ничего в голове не проясняется. Приходится аккуратно покоситься на «спасителя», но так, чтобы волосы по-прежнему скрывали лицо и кривящиеся в маниакальной улыбочке губы. Я узнаю массивный шарф. Это – тот добрый самаритянин с автозаправки. Наверное, местный городской сумасшедший, который шатается по округе, разыскивая, кому бы сделать «добро».

Черный плащ спешит на помощь.

«Только свистни, он появится – черный плащ».

Или он помощник местного шерифа? Такое предположение меня не радует. Я только что чуть не прикончила того отморозка. Видел мужик в шарфе или нет.

К счастью, проблесковых маячков нигде не наблюдается. Сирены не орут, лишь из клуба доносятся басы музыки, приглушенные стенами. Тихо падает снег. Идиллическая картинка.

Любитель больших шарфов помогает мне встать, но меня ведет в сторону. Он галантно придерживает меня под локоток.

Приятно, однако, наконец-то встретить настоящего джентльмена! А то мне попадаются одни подонки – то гребаный нарцисс Брэд, то маньячина в противогазе, то тот деревенский ловелас.

Я раздумываю, что делать и сразу отметаю идею вернуться в клуб, чтобы поискать Зои.

Во-первых, ее там, скорее всего, уже нет. Во-вторых, меня точно стошнит, если я зайду в душное, зловонное помещение. Шуба будет испорчена. Нужна какая-то альтернатива. Я шарю по карманам, но телефона нигде нет. В сумочке только губная помада Зои в фирменном золотом тюбике ее любимого бренда. Всю наличку я спустила на बारे.

Добрый самаритянин без труда понимает, в чем моя проблема.

– Подвезти вас домой? – услужливо предлагает он, - вы далеко живете?

Я вспоминаю его стремноватую черную машину и прикидываю в уме вероятность, что он тоже какой-нибудь психопат. Но от одного я уже ушла живой, если, конечно, я вовсе не придумала свое похищение. Плевать. У меня есть цепочка от сумочки, и, видит Бог, я знаю, как пустить ее в дело.

Выбора все равно нет.

– Да, пожалуйста, - смущенно говорю я, - я немного... -

сильное преуменьшение правды, - перебрала и потеряла телефон.

— Бывает.

— Правда... я живу за городом, - добавляю я, - вам, наверное, будет неудобно тащиться в такую глушь, - мне плевать.

Предложил — вези.

— Ничего, - откликается он.

Интересно, я все еще похожа на Зою? Или теперь я больше напоминаю потасканную проститутку, что спустила годовую зарплату на подержанную шубу с богатого плеча? Я пытаюсь понять, потребует ли он от меня расплатиться за услугу натурой. Я не верю в добро. Никто не помогает никому бескорыстно.

Не исключаю, что Нью-Йорк сделал меня слишком циничной и этому дурачку просто нравится чувствовать себя героем.

Мы идем к машине.

На всякий случай я все-таки силюсь его рассмотреть, пока он прогревает двигатель. Это трудно. На руках кожаные перчатки, он затянут в глухое пальто, а шарф скрывает большую часть лица. Видны только глаза и кончики темных волос, выбившиеся из-под шапки. Кажется, не я одна избегаю лишнего внимания. С его глазами что-то не так, но темнота в салоне мешает мне понять, что именно.

Свет фар отражается от металлического забора возле машины и я вижу: глаза разные. Ничего сверхъестественного —

просто один чуть светлее другого.

Как же это там называется...

Я копошусь в памяти, но мой пьяный мозг не способен работать в полную силу. В колледже у нас была девчонка с такой же особенностью, но у нее это было выражено куда ярче. На самом деле, в этом даже есть что-то притягательное. Я цепляюсь за эту деталь, ведь у меня катастрофически мало другой информации о своем попутчике.

А еще мне нравится его музыкальный вкус – он отдает предпочтение старому року.

Я с первых нот узнаю песню, заигравшую, стоило включиться магнитоле. Ее очень любил мой отец. Мне становится спокойно. Хочется задремать в тепле и комфорте, качаясь на волнах гитарных рифов. Но от меня еще чего-то ждут.

Я непонимающе смотрю на протянутый мне громоздкий смартфон с открытым на нем навигатором. После крупных рук незнакомца в моих пальцах телефон кажется комически огромным. Он тяжелый. Таким кирпичом можно проломить кому-нибудь череп.

– Куда вас отвезти, – поясняет мужчина.

– А... – бормочу я. Мне нужно время, чтобы сориентироваться и найти на карте одинокий коттедж Зои. Даже добрый самаритянин не сдерживает нервного смешка, когда я возвращаю ему гаджет с проложенным маршрутом.

– Вы живете в лесу? – спрашивает он.

– Нет, – самодовольно выдаю я, снова пытаюсь вжиться в

роль Зои. На мне ее одежда, ее парик, ее шкурка – я имею право примерить и ее жизнь. Соврать, чтобы придать себе ценности, пусть это и лишено хоть капли смысла.

Я говорю:

– У меня частный дом. Я писательница, уехала из большого города, чтобы творить в тишине и уединении.

– И о чем вы пишете? – любопытствует мужчина. Не уверена, что ему действительно интересно. Он просто хорошо воспитанный человек и поддерживает беседу. От моих слов за версту разит фальшью, нужно быть умственно отсталым, чтобы не распознать этого. Но, отдадим ему должное, он не ловит меня на лжи. Ведь я куда больше похожа на дешевую проститутку, чем на Стивена Кинга или какого-нибудь эксцентричного гения. Как Зои.

– О маньяках, - многозначительно заявляю я.

Я засыпаю в дороге, слушая через сон, наверное, самую лучшую подборку музыки за последнюю тысячу лет.

Он словно взломал мой аккаунт на «спотифай» и сохранил себе все треки, что я слушаю в приступах ностальгии по раннему детству. Я и правда чувствую себя ребенком в машине родителей, когда мы ездили в какие-то долгие поездки. В бардачке у отца хранилась целая коллекция аудио-кассет на такой случай. Магнитола была старой, диски она не чита-

ла, но в этом была своя прелесть.

Автомобиль мягко тормозит, и, приоткрыв веки, я вижу, что в доме темно.

Зои еще не вернулась.

Она успела сказать мне, где хранится запасная связка, но мне так хорошо, что не хочется вылезать из салона. Я готова сказать доброму самаритянину, что потеряла ключи вместе с телефоном и попросить отвезти меня куда-нибудь еще. В какой-нибудь отель. В идеале – остаться там со мной и снять шарф. Мне чертовски любопытно, что под ним, и зачем он заматывается так, будто является богобоязненной женой арабского шейха.

А ведь я так и не спросила, как его зовут!

– Приехали, - констатирует он. – Красивый дом.

– Спасибо, - говорю я, - и за то, что выручили меня, - я вовремя останавливаю себя, чтобы не добавить «снова».

Это было не со мной. Сегодня я другой человек. Я – Зои. Ее двойник, или, если быть точной, подделка на нее. Блеклая копия или пародия.

Грейс Паркер повела бы себя иначе. Она бы смутилась, ведь не привыкла принимать доброту, пробурчала что-то неразборчивое и убежала в дом. Но Зои Рид в таких ситуациях не теряется. Пусть на одну волшебную ночь, но я предпочту побыть ей.

– Я задолжала вам горячий напиток за вашу доброту, - безапелляционно заявляю я-Зои. – Не вздумайте отказы-

ваться...

— Это лишнее, - все же принимается отпираться самаритянин.

— Нет, я настаиваю! — я улыбаюсь, но улыбку не видно за волосами. — И, кстати, вы не представились. Меня зовут Зои.

— Эван, - будто нехотя отвечает он, и слегка пожимает мою протянутую руку. Мне все больше нравится деликатность, с которой он совершает любой тактильный контакт. Словно приручает дикого зверя и боится спугнуть неосторожным движением.

Я выпрыгиваю из машины, и мои сапоги зачерпывают целую пригоршню снега. Его напало очень много. Если снег не прекратит идти, то очень скоро мы окажемся отрезаны от цивилизации.

Ничего не имею против.

Мне легче. Я не протрезвела до конца, но меня перестало шатать и мутить, а в голове прояснилось. Я бодрa и полна энтузиазма искать новых приключений на свою пятую точку. И, кажется, мне удалось обзавести более подходящей компанией, чем тот обрыга из ночного клуба.

Я вытаскиваю ключи из-под коврика, прислушиваясь, идет ли за мной Эван. Он блокирует тачку и по снегу скрипят его шаги. Он все-таки сдался под моим напором.

Зои не привыкла слышать слово «нет».

Спасибо ей за это.

Однако, в доме меня ждет сюрприз, едва ли приятный.

Я шарю по стене в поисках выключателя, жму на него, но ничего не происходит. Света нет, а раз нет электричества, то не работают и калориферы.

Я понятия не имею, где у Зои находятся щиток или резервный генератор, если он вообще существует. В Нью-Йорке такие проблемы решаются звонком управляющему. Но, не смотря на холод, царящий внутри, темнота мне на руку. Мне будет легче прикидываться кем-то другим.

– Электричество отключили, - жалуясь я подошедшему Эвану, - а я тут недавно и еще не разобралась, что делать в таких случаях... - я напускаю в голос драматизма, - теперь вы точно не можете бросить меня здесь! Одну! В темноте! Среди леса.

– Я знаю мотель неподалеку, - он опять включает странствующего рыцаря, но мне нужно не это. Я почти кричу:

– Нет! Мы можем разжечь камин.

Я и не представляла себе, какие передо мной открываются перспективы. Я во всех красках рисую себе романтический вечер у камина с дорогим виски из коллекции Зои. А потом пылкий секс на пушистом ковре. Здесь есть такой ковер, точно как в фильмах для взрослых. От этой фантазии у меня сводит низ живота, а по телу проходит судорога. Слишком заманчиво.

Но я случайно ловлю взгляд разноцветных глаз Эвана, и он явно не разделяет моего энтузиазма.

– Не думаю, что это... - начинает он.

– Ладно, камин разжигать я не умею, - признаю я, - а вы? – он мотает головой, - тогда... у меня есть свечи. Против них же вы ничего не имеете?

– Пойдет.

Я вынуждена согласиться. Я никогда не имела дело с настоящим камином, и, учитывая, уровень моей невезучести – велика вероятность, что к утру от дома, а вместе с ним и от нас, останутся головешки. Зои не понравится найти пепелище и два обгорелых трупца.

Вот тебе и романтика – умереть в один день. В первый же, можно сказать, день знакомства. Пожары – это серьезно.

Я шарю в кухонных шкафах, разыскивая припрятанный алкоголь. Я уверена, он есть. Зои всегда имеет дома какую-то заначку, прямо как моя мать после ухода отца. Приступ черной меланхолии может настигнуть тебя в самый неожиданный момент, лучше быть во всеоружии.

Наконец, я нахожу кучу свечей и еще одну бутылку «Джека». Брэд его любит. Зои держала его для него. Догадываюсь, что бутылка не единственная, но пока рано забегать так далеко вперед.

Мы устраиваемся в гостиной, на том самом огромном белом диване. Я расставляю все найденные свечи, но в помещении все равно темно, хотя маленькие огоньки создают нужную атмосферу. А еще здесь дьявольски холодно. Можно распрощаться с надеждой, что Эван снимет свой шарф. Мне тоже не хочется вылезть из шубы.

Я забираюсь с ногами на диван и закутываюсь в мех, как в кокон.

– Горячительный напиток, а не горячий, - подмечает Эван, наблюдая, как я деловито разливаю виски по бокалам.

– Я все равно не могу включить чайник без электричества, - оправдываюсь я.

– Я за рулем, - напоминает он.

А вот его «правильность» уже порядочно напрягает.

Не забывай возить с собой провода для прикуривателя, не зажигай камин, не садись пьяной за руль...

Бла-бла-бла.

Будет большим разочарованием, если он окажется страшным занудой.

Первые тревожные звоночки уже прозвучали. Зануда не захочет переспать с незнакомкой. А я признаю – мне нужен секс, чтобы снять напряжение минувших дней. Хороший секс – в идеале, но я согласна на любой. Только не с пивным алкоголиком из затрапезного клуба. И не с треклятым Брэдом, благо, он все равно далеко.

Я пережила похищение! Я заслужила что-то хорошее.

Я пережила, а Зои нет. Сегодня я – она. Нужно не забывать об этом и вести себя соответствующе. Зои умеет добиваться своего. Не могу вспомнить ни одного мужика, кроме Брэда, кто бы ей пренебрег. Впрочем, Брэд всегда был не прочь ее трахнуть. Просто, как он любил повторять: «без обязательств».

К черту Брэда!

Я делаю глоток виски. За себя. И за Зои с ее отвергнутыми чувствами. За ее мечты о счастливом браке и толпе детишек, бегающих по этому дому.

– До утра много времени, - напоминаю я и резко перескакиваю на «ты», - а ты обещал не оставлять меня тут одну в темноте. Или жена потом устроит скандал?

– У меня нет жены, - говорит Эван.

Я тянусь, чтобы чокнуться с ним, а сама украдкой жду, будет ли он приспускать шарф, чтобы выпить. Он этого не делает, а покачивает бокал в руке и смотрит через него на пламя свечи. Жидкость вспыхивает расплавленным золотом.

– За это нужно выпить, - заявляю я и корчу гримаску. – Или... подожди. Девушка?

Я нервничаю. От этого кожа головы под париком нещадно зудит, но я не могу почесаться. Это слишком подозрительно. Нельзя. Как бы мне не хотелось поправить шпильки, которыми парик приколот к специальной шапочке, да и в целом чуть сдвинуть его назад, а то он скоро совсем сползет мне на глаза. Еще немного и я стану похожа на болонку или старого рокера, а не на Зои.

– Нет.

– Поэтому ты болтаешься ночью по городу и подбираешь девиц, валяющихся в снегу? – ехидничаю я.

– Я работаю неподалеку, - отвечает Эван.

– А кем ты работаешь?

– Это допрос? – разноцветные глаза смотрят хитро. Мне это нравится, но я умею понимать намеки. Он не хочет говорить. Окей. Я утыкаюсь носом в бокал, делаю щедрый глоток, и боковым зрением замечаю, что он все-таки тоже пьет. Край шарфа мгновенно закрывает лицо обратно. Я все проглядела.

– Ну... я же сказала, кем я работаю, - чуть обиженно замечаю я. – Это не секрет.

– Я тебя не спрашивал, - говорит он, и голос звучит словно с осуждением, - это была твоя инициатива, - он понимает, что перегнул палку и идет на попятную, - ладно. Это не моя постоянная работа, а так... подработка.

– И в чем она заключается?

– Ничего интересного. Посидеть за пультом на концерте, - а мне вот это кажется очень интересным. Я взволнованно ерзаю на месте.

– Ты диджей?

– Нет, звукорежиссер.

Везет же мне на людей, работающих в этой индустрии!

– Ого! – я чуть не рассказываю, что у меня в Нью-Йорке есть знакомый музыкант, и благодаря ему – целая куча других знакомых музыкантов и звукачей, пусть большинство из них и не знает, как меня зовут.

Я помню всех – по профилю Брэда. Мне же нужно следить, чем он там занимается, когда уходит от Зои, где искать его пропитое или обдолбанное тело, если моя любимая по-

друга будет волноваться.

Я должна выпить.

Я чувствую взгляд Эвана. Он, наверное, уже сделал обо мне исчерпывающие выводы – подобрал пьяную в сугробе, привез домой, а я тут же снова схватила за бутылку.

Он это озвучивает.

– У тебя какие-то проблемы с алкоголем? – и пусть вопрос сформулирован довольно тактично, он все равно выводит меня из себя.

Нет у меня никаких проблем. Просто дерьмовая жизнь. А еще я, в отличие от Зои, очень застенчива. Чтобы подкатить к парню, который мне нравится, или только-только начинает нравиться, мне нужно нализаться в слюни. Я могу душить кого-то цепью или драться с маньяком за свою жизнь, но в делах любовных я совершенно беспомощна. И слишком социально-неловкая, чтобы в этом признаться.

Не велика беда, что я не видела его лица полностью и под шарфом может скрываться любая неведомая чертовщина. У Эвана красивые, необычные глаза, приятный голос, хорошие манеры. Он, вроде как, совсем не мудака, в отличие от тех, кто попадался мне прежде.

Это многого стоит.

– Все писатели пьют, - заявляю я, вовремя вспомнив, что сегодня я исполняю другую роль. Я прикрываюсь Зои, как щитом. А она, между прочим, пьет куда больше меня. Если бы не она, я, вероятно, вообще вела бы исключительно здо-

ровый образ жизни. Но по трезвости невозможно выслушивать ее пьяные исповеди.

Так можно рехнуться.

– Вовсе не обязательно.

– Собираешься прочесть мне лекцию о вредных привычках? – воинственно говорю я.

Это мои слова, не Зои. Я начинаю выходить из себя, но ничего не могу с собой поделать. Я вспыльчива. Меня лучше не злить. Эван просто еще не знает, как я страшна в гневе. Если даже маньяк в противогазе предпочел отпустить меня на волю, лишь бы избежать моих дальнейших выкрутасов.

Зря я о нем вспоминаю. Я вскакиваю с места и бегу к окну, вглядываюсь в спящий, заснеженный лес, но там ничего не видно, такая стоит глухая темень. Ветки деревьев, тяжелые от снежных шапок, низко гнутся к земле. Вероятно, где-то там сейчас прячется тот жуткий тип. Или еще какая-то неизвестная угроза. Мы как на необитаемом острове, отрезаны от всего мира.

Сможем ли мы противостоять опасности, скрытой поло-
гом тьмы?

Эван прав – ему не стоит пить, мне то уже точно нельзя за руль. Машина – единственный способ убежать, если...

Если что?

Я не знаю. Но еще вчера ночью я сидела, запертая в комнате, не имея гарантий, что доживу до этого момента. После такого не трудно стать параноиком. Принятый алкоголь

лишь усиливает мою тревожность. Но Эван не подозревает, что со мной творится. Я не могу рассказать. Мне никто не поверит. Кроме синяков на запястьях у меня нет других доказательств. А их я могла получить где угодно, при любых обстоятельствах, менее безумных.

Он по-своему трактует мое бегство. Говорит виновато:

– Извини, мне не стоило на тебя давить. Просто я знаю, что это, – вероятно, имеется в виду беспробудное пьянство, – ничем хорошим не заканчивается.

Эван подходит и тоже останавливается у окна.

Свечи почти догорели. Мрак в комнате переговаривается с мраком снаружи. Он смыкает нас в плотное кольцо.

В последних отблесках огня я замечаю, что Эван снял шапку и свой проклятый шарф. Увы, воротник его пальто высоко поднят, а довольно длинные волосы, выбравшись из плена головного убора, сильно мешают обзору. И уже слишком темно, чтобы внимательно его разглядеть, но, вроде как, я не вижу ничего необычного или пугающего.

Он демонстративно – в знак примирения – поднимает бокал и осушает его содержимое одним глотком.

Я растрогана. Это мило. Это – шаг на встречу. Я допиваю свой напиток и ставлю бокал на широкую перекладину оконной рамы, отмечая маленькую победу.

– Только не говори, что ты – алкоголик в завязке, – нервно хихикаю я. – И я только что заставила тебя нарушить многолетнее воздержание.

Слово звучит слишком двусмысленно, отчего я снова ощущаю тяжесть внизу живота. Конечно, не посылки у камина на пушистом ковре, но есть в ситуации что-то завораживающее и по-своему интимное.

Как минимум, темнота.

– Нет, - Эван смеется. – Но я все равно предпочитаю не пить без особого повода.

– Сейчас – особый повод?

– Особый.

Раз уж он расстался со своим шарфом, то и я могла бы сбросить маску.

Мне до дрожи хочется содрать с себя парик, но вместо этого я высвобождаюсь из шубы и скидываю ее на пол. На мне все еще то платье, которое больше напоминает ночную рубашку. И чулки – Зои настояла, что под такую одежду дурной тон надевать плотные колготки, если они вообще имеются в ее огромной коллекции вещей.

Она возмутительно непрактична. Во имя красоты она готова жертвовать всем.

Я – нет.

Но в эту минуту я согласна немного померзнуть. Если меня согреют. Я закрываю глаза и жду. Я чувствую, что Эван совсем близко, и, наверное, сейчас меня поцелует. Чужое дыхание опалает мне щеку через густые лохмы парика. Но в последний момент я отворачиваю голову.

Ему нельзя видеть мое лицо даже в темноте.

Потому что я не она. Магия момента исчезнет, как только иллюзия будет разрушена. Эван не производит впечатление человека, который обожает социальные сети и является одним из миллиона подписчиков Зои. Но ее имя на слуху, оно где-нибудь, да и мелькало, как и ее фотографии. Он поймет, что я – мошенница. Что я подделка.

– Что-то не так? – осторожно спрашивает он. Я, наверное, основательно сбила его с толку своим поведением. Всячески пыталась соблазнить, а теперь принялась строить недотрогу.

Лучше и дальше строить из себя шлюху.

Совсем отбитую, со странными заморочками.

– Просто не люблю поцелуи, - заявляю я.

– Хорошо. Что тогда?

– Что угодно, но не это.

Тогда он целует меня в плечо. Аккуратно убирает волосы со спины вперед, и следующий поцелуй оставляет на лопатке. На выступающих позвонках, искривленных неправильной осанкой и моей привычкой сутулиться. От этого по нервным окончаниям пробегают волны электричества. Моя кожа покрывается мурашками.

Я чувствую, что белье становится настолько мокрым, что если его выжать, можно спасти от засухи самый жаркий регион в Африке.

Мне нравится его подход. Брэд со мной не церемонился. Как правило, быстрый перепихон в случайном месте не подразумевал изысканных прелюдий. Брэду не было дела, гото-

ва я или нет. Согласна – и на том спасибо. Даже если я куда больше хотела отомстить Зои за «все хорошее», чем его самого.

Понимал ли он?

Эван подцепляет лямки платья и снимает его с меня. Оно стекает по телу прохладной волной и растекается лужицей у ног. Я больше не буду думать о Брэде. Я не собираюсь думать о Брэде, послушно прогибаясь, когда ладонь другого мужчины давит мне на поясницу, показывая, что от меня требуется.

Единственное, что меня действительно беспокоит – надежно ли закреплен парик, если в процессе Эвану придет в голову потянуть меня за волосы. Это будет слишком комично, если у него в руке останется мой скальп. У меня не будет подходящих слов, чтобы объяснить, как это стало возможным.

Я давя нервный смешок, представляя такую картину, но скоро мне становится не до смеха. Пальцы, поглаживающие меня между ног, вырывают из горла вполне себе томный вздох. На стекле передо мной остается круглый, влажный след. Я смотрю сквозь него на лес, где, вполне возможно, сейчас мой приятель в противогазе устраивается поудобнее, чтобы насладиться бесплатным порно.

Впрочем, он должен быть страшно зол.

Мое настоящее лицо, настоящая личность надежно укрыты за вуалью из волос, так что с далекого расстояния меня вполне можно принять за Зои. Вряд ли ее чокнутому по-

клоннику понравится, что ее будут трахать у него на глазах. Вид ее сисек у стекла, едва прикрытых кружевом лифчика, не потянет на утешительный приз.

Но у того чувака явно не все дома.

Кто знает, может ему такое по вкусу, и он передернет, наблюдая за нами?

Или явится сюда, чтобы убить нас обоих в порыве беспомощной ревности.

Пусть только попробует прийти! Мне слишком хорошо, наконец-то хорошо, я не позволю нам помешать. Я сама его грохну. У Зои отличная коллекция ножей, пусть она и не знает, как ими пользоваться.

Мысли об убийствах и насилии меня странным образом будоражат.

Эвану лучше не знать, что творится в моей голове. Это куда хуже, чем тот омерзительный факт, что я не Зои.

Увы, я не смогу объяснить ему, что нет ничего романтичнее, чем вместе прятать труп. А жаль. В огромной тачке Эвана просто обязан быть достаточно вместительный багажник, чтобы туда влез и крупный лось, вроде моего похитителя.

Представляю, сколько будет проблем с его трупом.

Но мне же помогут? Мне повезло, что Эван и сам внушительных размеров. Как и его член.

И хоть я хорошо подготовлена пальцами и оральными ласками, и так возбуждена, что влага уже стекает по бедрам – мне все равно почти больно. После долгих лет обращения с

кривым стрючком Брэда – я в кои-то веки вытянула счастливый билет. Досадно, если это станет причиной моей безвременной кончины.

Я едва могу стоять на ногах. Эван поддерживает меня, и, наверное, без этого я бы рухнула на грудь одолженных у Зои, оскверненных вещей.

Положение никак нельзя назвать удобным. Я упираюсь в стекло. Стою из чистого упрямства.

Я не имею права лишить гребаного сталкера такого зрелища!

Смотри, ублюдок – мстительно думаю я. Смотри, как твоя пресвятая Зои приводит домой первого встречного, чтобы отдаться ему у окна. У всех – *у тебя* – на виду. Будто это окно – сцена или экран в кинотеатре, а заснеженный лес – зрительный зал.

У тебя билеты в первый ряд.

Надеюсь, ты не забыл дома свой дурацкий бинокль.

Надеюсь, что ты сейчас там.

Злость и страсть смешиваются в моем одуревшем мозгу. Я кончаю, рычу и ударяю кулаком по стеклу, как делала это в том жутком бункере.

Ноги все-таки подгибаются. Эван не позволяет мне упасть и прижимает спиной к своей груди. Ткань его пальто жесткая и грубая, она раздражает мою обнаженную кожу. Мне обидно, что он не соизволил раздеться, пока я светила своей наготой на весь лес.

Теперь меня душит неловкость и мне хочется побыстрее одеться. Не удивлюсь, если Эван тоже сейчас побежит за своим шарфом, чтобы замотаться в него. Нежности и посткоитальные объятия – для других. Мы не смотрим друг на друга. Хорошо, что на мне парик и хоть его растрепавшиеся пряди создают некоторую иллюзию отчужденности.

Я в ужасе – честно говоря, я заигралась, изображая свою раскрепощенную подругу.

Не в моих правилах спать с первым встречным. Я никогда прежде этого не делала. Мне чудовищно стыдно. Стыдно, что я не могу в этом признаться. Ведь Эван, вероятно, теперь добавил к моему досюе еще некоторые нелицеприятные детали – не только пропойца, но и шлюха. Мне повезло, что я не допилаась до откровений – еще бы поведала ему о своих гадких делишках с Брэдом, чтобы окончательно упасть в его глазах.

Но в Эване есть какое-то благородство, которое меня и зацепило. Он не уходит, а поднимает шубу Зои и закутывает меня в нее. Очень вовремя - я уже начинаю замерзать и трястись от холода. Он провожает меня до дивана и усаживает на него, будто я какая-то немощная старушка, но мне действительно трудно идти.

Я тону в мягкости шубы, прижимаю колени в груди и утыкаюсь в них лбом. Так я могу незаметно наблюдать, как Эван наматывает шарф обратно. Привычным, заученным движением, из чего я заключаю, что это – его каждодневный ри-

туал.

Мне все равно не хватает смелости спросить, зачем он это делает. Я же видела его лицо, пусть и в темноте. С ним все нормально. Как мне показалось.

– Теперь ты уедешь? – вырывается у меня.

– Нет, - говорит он. Он садится рядом, берет одну из декоративных подушек, и манит меня к себе поближе. – Я же обещал, что останусь до утра.

Я не знаю, что сказать. Мне хочется расплакаться от благодарности. Это трогательно.

Мне больно, что я все испортила, выдавая себя за человека, которым не являюсь. Я чувствую, что с этим мужчиной и правда могло что-то получиться. Но время нельзя отмотать вспять.

Сегодня я – чертова Зои Рид. Она легко может переспать с незнакомцем, зная, что они больше никогда не встретятся. Не отравляя себя сожалениями. Не обвиняя себя во всех смертных грехах и порочности библейской блудницы. А потом вернуться к Брэду и фантазиям об идеальной свадьбе с ним.

Все это не важно.

По-настоящему Зои принадлежит лишь одному человеку. Мне.

5.

Я сплю сладко как младенец, если эта метафора уместна, учитывая, что младенцы невинны и им не снится всякая похабщина.

Меня успокаивает тепло чужого тела поблизости и ласковые пальцы, перебирающие запутанные пряди парика. Накануне я оценила ловкость этих рук по достоинству. И теперь не могу думать ни о чем другом, хотя просто дремать рядом тоже приятно. Я давно не испытывала такого умиротворения. Мне кажется, что я в безопасности.

Это полный бред – у меня нет причины доверять Эвану. Он вполне может оказаться очередным маньяком, который прикончит меня во сне.

Прикончит и ладно – беспечно решаю я.

Если нет, то у меня большие планы на утро. Как минимум, предложить Эвану перебраться в гостевую спальню. Диван огромный, как туша белого кита, но кровать все же будет удобнее. Там можно продолжить начатое накануне. Я сниму парик. И сниму с него шарф. И всю одежду вообще. Я признаюсь, что соврала, когда сказала, что не люблю поцелуи. И лгала не только об этом.

Я не Зои Рид.

Но я тоже ничего.

Дай мне шанс.

(К шансу должны прилагаться несколько незабываемых оргазмов. Два. Три. Лучше десять. Хотя, честно говоря, я вряд ли выдержу такой марафон).

А потом я разберусь, как врубить электричество, сварю кофе и найду нам что-то поесть. Я тоже далеко не лучший повар Америки, но в отличие от Зои могу справиться с приготовлением элементарных вещей. Ради Эвана я готова постараться. Готовить для кого-то – не то, что разогревать в микроволновке полуфабрикаты для себя любимой.

За завтраком мы поговорим. Я объясню, что вовсе не такая отбитая, как ему могло показаться. Социопатка, но не шлюха, вот что я имею в виду. отбитая, но в другом смысле.

И добавлю, что, видимо, еще и очень наивная.

Я просыпаюсь в одиночестве.

В голове словно взорвался снаряд, начиненный стальными осколками, и каждый из них застрял в моих непутевых извилинах. Все это адски болит. В глазах песок. В горле образовался кошачий туалет. Но хуже всего, безусловно, то, что мой галантный, мать его, кавалер смылся по-английски.

Мне не приснилось – на мне по-прежнему только шуба, чулки, лифчик и сапоги. Я остервенело срываю парик и бросаю его на пол. Ищу свои трусы, но их нигде нет. Выходит, Эван не совсем уж «правильный», раз прихватил на память такой отвратительный сувенир. В иных обстоятельствах это было бы пикантно, но из-за того, что он свалил, не попросившись, его поступок становится мерзким.

Все это – мерзко.

И я мерзкая.

Я отпихиваю плед, которым меня заботливо – *да пошел ты!* – накрыли, надеваю платье, и брожу туда-сюда по гостиной. Я грызу ногти и рассчитываю найти хоть что-то, какое-то объяснение или оправдание.

Записку на бумаге с вензелями. Номер телефона на салфетке. Использованный гандон в мусорке. Розочку, обмотанную ленточкой. Но мне остались только глубокие рытвины в снегу от колес его машины рядом с крыльцом.

Там я сталкиваюсь с Зои. Вид у нее не менее потрепанный. Она проходит мимо меня в дом и сразу идет на кухню. Только теперь я замечаю, что электричество снова работает и внутри тепло.

– Моя голова, - стонет Зои и, нагнувшись, хлещет воду прямо из-под крана. – Больше никогда не буду столько пить.

– Я тоже, - заверяю я.

Это правда. Есть крошечный шанс, что в следующий раз, когда я встречу нормального мужика, я не испугаю его тлетворной аурой своего несуществующего алкоголизма.

Зои чувствует надлом в моем голосе.

– Как ты? – спрашивает она.

– Как кусок дерьма, - вздыхаю я.

– Но оно того стоило? – Зои вытаскивает из сумочки телефон, листает что-то на экране и протягивает мне. От увиденного меня едва не выворачивает в вазу с ароматическим

соше на столе. На фото – я – целуюсь с тем деревенщиной. Мое лицо вполне разборчиво.

А я то была уверена, что парик уберезет меня от подобных последствий!

Зои смеется. Ее чрезвычайно забавляет мой конфуз.

– Удали, - умоляю я.

– Нет, - она качает головой, - мне нужны доказательства, что это была не я, - она добавляет, чтобы меня добить, - а то заподозрят, что у меня отвратительный вкус на мужчин.

Я выгибаю бровь.

Серьезно?

Она это отрицает? Она – любительница эмоциональный качелей с участием Брэда? Его пасти, из которой постоянно разит не чесноком, но никотином и виски? Его невразумительного «достоинства», с которым он и обращаться то не умеет?

Я бы ей все высказала. Но воспоминание о том, как я провела эту ночь, плотно запечатывает мне рот. Я не могу бравировать тем, что накануне подцепила по-настоящему стоящего мужика. Его тут нет. Он поймел меня и смылся, что говорит о том, что, в сущности, это тот же Брэд, просто приправленный флёрот загадочности, которого ему придали разноцветные глаза и тупой шарф.

– Я потеряла свой телефон, - вместо этого говорю я, чуть не плача.

Зои становится меня жаль. Она обнимает меня, обдавая

своим перегаром. Пусть она и выглядит хорошо в любых обстоятельствах, но ее дыхание не сохраняет свежести альпийских лугов после такого количества выпитого. Хотя в чем-то она человек, а не фея.

— Ну что ты, милая, - воркует она. — Забирай мой старый, я им все равно не пользуюсь.

Я тут же воскресаю из мертвых.

Зои не глупа, но она чудовищно беспечна. Есть шанс, что она поленится выйти из своего профиля в icloud, и в придачу к телефону я получу пароли от всех ее аккаунтов. Это щедрый подарок судьбы. Я смогу разобраться с любителем пионов, и, если это Брэд, выместить злость на нем.

И не только на нем. Мне нужен гаджет, чтобы выследить разноглазого гада. Я отомщу ему за унижение. Ну... или хотя бы разузнаю, кто он такой и что он прячет под шарфом. Не поймешь, что сейчас во мне сильнее - праведный гнев или все-таки любопытство.

— Я приготовлю нам антипохмельный коктейль, - тем временем говорит Зои. — Недавно видела рецепт в тик-токе.

До того мне удавалось держаться и не сблевануть, но меня обязательно вырвет, когда она заставит меня выпить свое снадобье.

Однажды кому-то все-таки придется сказать Зои, что она отвратительно готовит. Пусть это буду не я.

Я вскарабкиваюсь на высокий стульчик. Уронив голову на руки, я наблюдаю, как Зои превращает блендер в концлагерь

для овощей и фруктов. В жужжании прибора мне мерещатся предсмертные крики о помощи, которые издают невинные сельдерей и клубника.

Отличный аккомпанемент для того, чтобы продумать план своей мести.

Телефон у меня. Я не ошиблась: Зои просто всучила его мне, не удосужившись проверить, вышла ли она из всех своих профилей. После «антипохмельного» напитка у нее скрутило живот, и она убежала исповедоваться фарфоровому другу. Ей точно не до соцсетей.

Вот сфоткать бы ее сейчас и выложить в отместку за тот снимок из клуба!

Но я занята. Я стою у двери ванной, чтобы не упустить момент, когда она закончит опорожнять желудок, и листаю вкладку с ее личными сообщениями. Задача не из легких - их очень много. Но и Зои не спешит – звуки рвоты утверждают, что у меня достаточно времени. Мне тоже плохо, но я стойкий оловянный солдатик. Я не могу упускать такую возможность.

Наконец я нахожу ник того чувака, что, по моим предположениям, присылает пионы. Диалог затерялся где-то далеко внизу. Они давно не переписывались.

«Спасибо за цветы» - первой пишет Зои.

И откуда у нее только уверенность, что это он? Мне еще предстоит разобраться с этим вопросом.

«Они шикарные. Но... почему пионы?» - тоже она.

«Ты выкладывала их фотографию, я предположил, что они тебе нравятся» - он. Или она, говорящая о себе в мужском роде. Неизвестно, кто там скрывается за закрытым профилем и черно-белой аватаркой.

«Мне нравятся разные цветы».

Я прислоняюсь головой к стене. Слушаю, как Зои кашляет и стонет над унитазом.

«В этом есть какой-то скрытый смысл?» - она, - *«Что это для тебя значит?»*

«Ты действительно хочешь знать?» - он.

Все.

Она не ответила, а прошла уже куча времени. Негусто. Однако, теперь из этой переписки мне ясно, что даритель пионов – не Брэд. Он не стал бы так заморачиваться. На моей памяти он приносил Зои цветы всего пару раз, и то после того, как нажрался каких-то таблеток и впал в эйфорию. Он схватил первые попавшиеся в магазине у ее дома. Я тщательно изучила ассортимент, потому в курсе, что самые дешевые. Словом, я не представляю Брэда, вникающего в символический язык цветов, чтобы донести какую-то информацию с помощью красивого жеста.

Зои выходит из ванной. Я прячу телефон. Она бледная, как смерть. Нет, хуже смерти. Волосы смотаны в пучок. Под

глазами патчи, маскирующие синяки. Она ползет в спальню по стеночке, а я сопровождаю свою королеву.

Зои плюхается на большую кровать, застеленную нежно-розовым плюшевым одеялом. Переворачивается на спину, складывает руки на груди, на манер каменного рыцаря на средневековой надгробной плите.

– Я спать, - говорит она. – Не буди меня... пару суток.

– Окей, - соглашаюсь я, а сама оглядываюсь, чтобы оценить обстановку. Ее другой, новый телефон в золотистом чехле лежит на прикроватной тумбочке. Очень близко, опасно близко. Но меня не пугают опасные игры.

Я выхожу в коридор. Усевшись на корточки, я приоткрываю дверь таким образом, чтобы в крошечную щелочку видеть тумбочку с телефоном, оставаясь при этом незамеченной.

Снова лезу в инстаграм. Думаю минуту, а затем пишу любителю пионов:

«Извини, я прочитала твое сообщение, но забыла ответить. Можешь представить, какой бардак у меня тут в переписках! Я хотела бы узнать, почему именно пионы. Если ты по-прежнему хочешь об этом рассказать, постучись мне в мессенджер».

Я отправляю номер своего мессенджера, предусмотрительно оформленного на манер профиля Зои. Ее имя. Ее фотография. Ее любимая дурацкая фразочка – «per aspera ad astra» - вместо информации о себе. Я создала его давно, до-

гадивалась, что придет день, и он мне пригодится.

Сообщение прочитано.

Я поднимаю глаза – Зои спит. Ее телефон на тумбочке. Ее не разбудит вибрация – ей постоянно кто-то пишет, это не повод прерывать свой выстраданный похмельный отдых.

«Хорошо» - наконец отвечает пионный маньяк.

Я удаляю два последних сообщения и диалог снова тонет в пучине бессмысленной болтовни Зои и других ее обожателей.

Пионный маньяк не торопится.

Я использую это время с пользой – обильно закидываюсь обезболивающим и принимаю душ. Посвежевшая, наконец-то в трусах и удобной, чистой футболке, я чувствую себя другим человеком. Я устраиваюсь на кровати в гостевой комнате, стараясь не думать о том, что могла разделить ее с Эваном.

К черту его. К черту Брэда. И кошмарного типа в противогазе тоже, хотя в отличие от всех этих подонков, он был со мной почти милым.

Где ты, приятель? Я готова выйти за тебя замуж! С одним условием – больше никаких ведер. Нормальный санузел в моей одиночной камере. С полноценной ванной и махровым халатом.

Я злобно хихикаю.

На экране всплывает свежее уведомление. Как ни странно, ссылка на статью в Википедии. Я сомневаюсь мгновение,

прежде чем открыть ее. Я осторожна. Незнакомец, у которого здесь тот же ник, скрыт номер, и нет личной информации, вполне мог одарить меня вирусом и сломать телефон. Или попытаться травмировать меня детской порнографией. Но он выбрал античную мифологию.

Мне приходится напомнить себе, что я снова прикидываюсь Зои. Зои не дура, потому знает, что мужчины не жалуют умных женщин. Она всегда кокетничает, даже в переписках.

«Красивая легенда» - печатаю я и добавляю смайлик, хотя мне делается не по себе.

Превратить в цветок, чтобы спасти от гнева богов – вот, что я почерпнула из краткого экскурса в дела древних греков. От каких богов очередной сумасшедший собирался защищать Зои, заваливая ее горами пионов?

Пеон и Асклепий.

Продолжаю цепочку дальше:

Защищать... Исцеление... Болезнь... Санитайзер!

– Сука, - восклицаю я и бью себя телефоном по лбу.

Я могу ошибаться, но уверена почти на сто процентов, что вступила в диалог с тем самым чудилой в противогазе. Вот и мой потерявшийся друг! Пионы появились, когда Зои переехала сюда. Хозяин бункера обретается где-то поблизости. Зои была недостижима для него в Нью-Йорке. Не удивлюсь, если именно он каким-то образом надоумил ее купить дом в глуши и заманил сюда. В расставленную ловушку.

Хитрый ублюдок. Но я намного хитрее.

И как бы я не пыталась иронизировать над своим положением, я не забыла, что пережила по его милости. У меня к нему свои счета.

Решено. Я выведу его на чистую воду, вычислю и сдам копам. И они разворошат его логово, провонявшее дезинфицирующим средством. Он не запрет там больше ни одну жертву. Он не запрет там Зои. Достаточно и меня.

Я бегу на первый этаж за париком и ненадолго притормаживаю у окна. Еще светло. Потеплело и с ветвей осыпался снег, так что лес проглядывается на мили вокруг. Его нет. Он выходит только под покровом ночи, как какое-то хтоническое чудовище.

Тем лучше.

Я собираю достаточное количество цветов по всему дому и тащу охапку в комнату, предварительно проверив Зои – она крепко спит. Настолько крепко, что я могу беспрепятственно стащить с ее шеи кулон, что она всегда носит, и позаимствовать из шкафа кое-какие вещи. Не вещи. Белье. В тон пионов.

Если не смотреть на помятое, опухшее с похмелья лицо, то мое отражение в зеркале выглядит вполне презентабельно. Я раскладываю пионы на покрывале и ложусь в самую их гущу. Кулон Зои покоится в ложбинке между грудей. Пряди волос парика перепутались с лепестками и листьями.

Фотография выходит что надо – дерзкая и красивая. Лица не видно, только сиськи в шикарном лифчике, кулон и пио-

ны.

«По-твоему, я – цветок?»

Мой ход сделан. Я смотрю в потолок и часто дышу. У меня уже кружится голова от запаха всех этих цветов. Я будто героиня «Красоты по-американски», только вместо красных лепестков вокруг бледно-розовые.

«Ты - лекарство».

Сердце пускается в галоп. Я резко сажусь на кровати, и комната плывет перед глазами. Такие маневры опасны с похмелья. Но я слишком взволнована, чтобы думать об осторожности. Я утратила здравый смысл. Во мне просыпается азарт хищника. Рот наполняется слюной в предвкушении.

– Да ты романтик, - нервно смеюсь я.

Я безжалостно отрываю головку одному цветку, выбрав самый красивый, и просовываю его под резинку трусиков. Светлое кружево совсем прозрачное. Я свожу бедра, чтобы оставить маньяку простор для воображения. Не все сразу. Отец научил меня – прежде чем установить мышеловку, надо как следует взвести пружину.

«Ты хочешь, чтобы я излечила тебя?»

Телефон теряется в гуще цветов.

Я запускаю руку под ткань и комкаю лепестки, прежде чем пробраться дальше, оставляя на клиторе и складках у входа влажные следы от раздавленного пиона. Это почти похоже на прикосновение губ.

Прошлой ночью я была уверена, что в кои то веки по-

знаю качественные оральные ласки от мужчины, который не превратит это в акт каннибализма или пытку щекоткой. По крайней мере, демо-версия у окна в рамках прелюдии была многообещающей.

Обещание не было исполнено, а вместо чужих сильных пальцев и страстного рта мне осталась только собственная крошечная ручонка.

Я не понимаю, в какой момент успела так возбудиться, занимаясь той опасной херней, что творю.

Заигрывать с маньяком от лица Зои – что это, если не опасная, безумная херня?

Но он придет сюда не за мной, а за ней.

Она заслужила.

Я представляю, как он будет ее убивать, представляю Зои с перерезанным горлом, всю в крови, в ее постели, на розовом девчачьем покрывале. И фантазируя об этом, ожесточенно ласкаю свои половые губы. Нашариваю телефон и отправляю еще один снимок – руку, исчезающую в трусиках, так глубоко, что легко догадаться – пальцы на фалангу уже внутри.

Ты убьешь ее, а я убью тебя, - думаю я.

Нет, я не отдам тебя копам. Это не интересно. Ты – моя добыча.

Включаю запись голосового сообщения, но ничего не говорю. Так я могу себя выдать. По стонам и рваным выдохам невозможно определить, кому они принадлежат.

Телефон вибрирует. Я сжимаю его до скрипа, пока ноги конвульсивно дергаются от оргазма. В ушах гудит кровь, прилившая к голове. И только после я смотрю на экран.

«Я хочу видеть твое лицо».

Я не теряюсь, хотя это, безусловно, шах. Я могла бы пойти и сфотографировать спящую Зою, но она мало похожа на человека, который только что мастурбировал, думая об убийстве. Мой собеседник будет разочарован.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.